
ДАША КОЭН
ПРИВЫЧКА
Тебя
НЕНАВИДЕТЬ
СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Даша Коэн
Привычка тебя ненавидеть

https://litres.ru/75016674

Аннотация

БЕСТСЕЛЛЕР! Он — Мистер Популярность, которому даже чайки на кампусе кричат с восхищением.

Я — девочка-бунтарка, у которой в голове живет таракан по имени Анархия.

Мы ненавидим друг друга до дрожи, но одна студенческая вечеринка внесла в нашу размеренную жизнь свои коррективы.

И вот я уже зачем-то признаюсь Захару Летову в любви.

А затем и вовсе умоляю его пригласить меня на свидание.

Вы спросите, спятила ли я?

А я отвечу, что будем разбираться...

Содержание

Глава 1 – Проснись и пой! 4
Глава 2 – Утро вечера ни черта не мудренее 20
Глава 3 – Сим-сим, закройся! 33
Глава 4 – Жечь демонов! 40
Глава 5 – Потерять себя 54
Глава 6 – Адвокат Дьявола 71
Глава 7 – Все началось с ненависти 77
Глава 8 – Барбаросса отдыхает 82
Визуализация Стужа 93
Визуализация Лето 95
Глава 9 – К ноге! 97
Глава 10 – Смешно дураку 104
Глава 11 – Искусственное дыхание 120
Глава 12 – Я тебя не брошу, потому что я хороший... 137
Глава 13 – Чистосердечное... 154
Конец ознакомительного фрагмента. 156

Глава 1 – Проснись и пой!

Захар

— Вот это жопа. Хочу ее!

Пробормотал я сам себе под нос и елейно улыбнулся, обстоятельно облизывая восхитительный орех взглядом и даже вытягивая губы трубочкой, чтобы послать двум сладким булкам воздушный поцелуй и мое бескрайнее почтение.

— Лето, окстись! — ткнул меня в плечо кто-то из друзей, но я только отмахнулся.

— Отвали.

А затем продолжил свое занимательное занятие по разглядыванию симпатичной девичьей попки, что в данный момент была плотно обтянута синими джинсами. Хозяйка же этой прелести в милейшей позе раком изогнулась над бильярдным столом и пыталась приладить кий к шару для удара.

Короче, славно раскорячилась.

— Пойду, сниму ее, — озвучил я свое решение, нетерпеливо сглатывая и, не глядя, протягивая бокал с выпивкой кому-то из парней.

И напрочь игнорируя их предостережения.

— Лето, а может, не надо?

— Хера се он себе шары залил!

— Не останавливайте его, пацаны, сейчас будет кино!

А я на автопилоте уже пёр бульдозером. И разве что слюнка не подтекала. Потому что пьяный. И счастливый. И молодой. И холостой. А тут задница такая прямо по курсу меня манила, что просто вау! Ну как отказаться? Никак нельзя. А раз хорошая, то надо брать.

Немедленно!

Подошел ближе. Вплотную прям. Облизнулся, не видя уже ничего, кроме красоты упругой, на которой отчаянно залип. Едва напряженным пахом в нее не уперся, нагло трамбуя в бильярдный стол, но не стал. Решил, пока продлить удовольствие и сильно не разгоняться.

Успею еще...

Но руки протянул.

А как иначе?

Невозможно же было вот так стоять рядом и не трогать!

И ладонь все-таки накрыла правое полушарие. Огладила. Смачно прихватила. А я сам плотоядно облизнулся, предвкушая то, как это самая задница уже совсем скоро будет весело и задорно прыгать на мне.

Голая. На моем члене.

И нам обоим будет чертовски хорошо!

— Ай, блядь!

Честно? Я даже не понял, что произошло.

Вот же я только стоял и со вкусом медитировал на аппетитные телеса, а тут раз и нате — некто бессовестный и страшный, как ядерная война, предстал передо мной, отве-

сив мне при этом звонкую оплеуху с разворота.

Бам!

И как заорет, что я даже немного протрезвел:

— Ты ошалел, Летов! — уставилась на меня в ярости эта Баба-Яга своими глазищами сквозь два безобразных окуляра, что в ее случае звались очками.

— Так! Не ори, Кикимора, а то я еще заикой останусь. Но здесь была жопа, — потирая ушибленную щеку одной рукой, а второй тыча в лицо девчонке, требовательно спросил я, — где она?

— Чего?

— Только что тут была, — огляделся я, слыша за своей спиной дикий ржач моих друзей.

— Здесь была только я, придурок!

— Нет, — покачал я отрицательно головой, — та была красивая. А ты — изыди!

Она поджала губы, с мстительным прищуром уставившись на меня своими разноцветными зенками. Один — голубой. Второй — карий. А я скривился, оглядев ее от макушки до пят и на секунду вперив свои глаза в то гнездо на ее голове, что с большой натяжкой звалось прической.

Содрогнулся.

Дреды.

Гадость-то какая!

— Еще слово, Летов, и я тебя на этот кий насажу, как промаринованный кусок мяса! А теперь ноги в руки прихватил

и свалил отсюда! Ясно? — зарычала она, а я моргнул удивленно.

А потом меня перекосило. Натурально так пробрало! Потому что до моего поплывшего от алкоголя сознания наконец-то дошла вся прелесть ситуации и то, на чью именно задницу я только что завис.

Остановите планету, я сойду...

Это же Ангелина, мать ее, Стужева!

За моей спиной послышался дикий хохот парней, а я впечатался лицом в свою ладонь и форменно выпал в нерастворимый осадок.

— Ну, нихуя себе!

Еще раз недоверчиво оглядел девчонку с головы до ног, отмечая, что именно сегодня она решила изменить своему безобразному и безразмерному стилю, нацепив вполне себе приличные джинсы, что чуть не подвели меня под монастырь.

А затем откинул голову назад и самозабвенно рассмеялся. От души так. Поражаясь тому, что я только что выдал. Реально же, анекдот!

Но настроение у меня было слишком хорошее, чтобы портить его чем-то вот таким незначительным, как гребаная Стужа. Отмахнулся от нее и выдал:

— Ладно, живи.

Развернулся и пошагал по своим архиважным делам, моментально выкидывая из головы чудаковатую одногруппни-

цу, при виде которой у меня на постоянной основе появлялась изжога. А тут такое...

Конечно, мы с парнями от души орнули над всей этой историей, но быстро о ней позабыли, перейдя к планомерной накачке собственных организмов огненной водой.

И так стало заебись! Тусовка, смех и девочки. А я мальчик, и мне больше ничего в жизни не надо, кроме вот этого, когда все в руки само падает на все согласное, томное и жаркое. Стоит только поманить пальцем и все.

По кайфу...

Но всему есть предел, так и я понял, что наконец-то залил шары, и нашел подходящую девчонку, что расскажет мне сказку на ночь. А потому я прямо с ней на буксире устремился наверх. В спальню.

Но по дороге запамятовал и притормозил лучшего друга.

— Хэй, Тим, а напомни-ка, где я сегодня сплю? — спросил я, так как именно в доме Исхакова мы и зажигали, празднуя начало четвертого курса в тесной компании отпетых студентов.

— Третий этаж. Последняя дверь налево в конце коридора, — ответил тот, а я перевел взгляд на свою спутницу и подмигнул ей.

— Слышала, моя хорошая? А, ну-ка, беги по адресу и жди меня в постельке. Сейчас я договорю и прибегу к тебе под бочок.

— Ага, — потянула девицу и усвистела в нужном направлении, а я еще пару минут потрепался с другом, дал ему пять, благодаря за годную вечеринку, и только тогда распрощался с ним до утра, припуская вверх по лестнице.

— Лето! — окрикнул меня Тимофей.

— Ась? — не поворачиваясь, спросил я.

— Ты только не перепутай второй этаж с третьим, ладно? А то там Стужа спит.

— Пф-ф-ф, — закатил я глаза и заржал, а затем отдал ему под козырек, обещая, — да ни в жизнь!

Вот только пока я добирался до нужной комнаты, по дороге повстречал, то одного знакомого, то другого. Что-то запутался на пьяную голову немного. Заплутал даже. Но все-таки нашел ту самую дверь налево в конце коридора.

Потянул на себя дверную ручку. Нахмурился, что закрыто изнутри, но все же намудрил, чтобы провернуть завертку. А затем вошел в залитую лунным светом темную комнату, завидев уже ожидающую меня на кровати девушку.

Разделся догола. И к ней под одеялко нырнул, сразу же прижимаясь всем телом к божественно прекрасным формам. Кайфанул, утыкаясь в ее затылок и полными легкими вдыхая крышесносный аромат.

Так и пригрелся.

А затем решил, что сегодня слишком пьян для подвигов.

— Завтра прямо с утра ее и оприходую, — прошептал себе под нос, улыбнулся.

И сладко уснул...

Утро началось не с кофе.

Мое — так уж точно. Мозг еще, конечно же, дремал, да и веки не хотели открываться. Но проснувшееся сознание уже дало члену команду «фас», и он радостно встал до пупа, предвкушая сладкий утренний трах.

Черт побери, аж в паху заломило!

Потому что эта девчонка, что спала рядом со мной, и по чьей спине сейчас скользили кончики моих пальцев, пахла, словно сладкая конфета. Опьянила в считаные мгновения, напрочь снося крышу. И размазала еще до того, как я до нее основательно добрался.

Ароматный персик и сочная слива. Мой рот наполнился слюной и пришлось тяжело сглотнуть, преодолевая почти невыносимое желание наброситься на нее и сожрать.

Но, собственно!

Почему бы и нет, верно?

Когда я вообще себе в подобном отказывал? Не планировал этого делать и сейчас, потому что уже чувствовал, что меня всего сковало возбуждение. И кровь знакомо забурлила по венам, ударяя со всей дури по вискам и оглушая.

Улыбнулся, когда рука скользнула на сочную, упругую попку, а девчонка в ответ повела задом, что-то протестующе и сонно урча. Сжал ягодицу и тихо зашипел, понимая, что все — больше ждать я не могу.

Перекрыло. Внезапно так сильно, будто бы я год не тра-

хался.

Дернул на себя желанное тело, впечатываясь стояком между сладких булочек. Ладонь скользнула под просторную майку и нашла сочную и пышную грудь.

Господи, спасибо!

Размер третий, а то и весь четвертый! Огонь!

И вишенка соска уже затвердела, с радостью встречая то, как я потер ее между пальцев и сжал, слыша тихий и удивленный стон.

Да, детка, сейчас мы тут все с тобой взорвем к херам!

Навалился на нее сверху и подмял под себя, сразу же обозначая серьёзность своих намерений — свободной рукой подхватывая ее под коленкой, сгибая и задирая правую ногу так, что теперь мне была открыта она вся.

Прямо сейчас я мог лишь сдвинуть в сторону тонкую полоску ее стрингов и засадить ей на всю длину, закидывая нас обоих на радугу. Или сразу в чертов рай.

И я почти уже это сделал. Напряженная головка радостно дернулась, когда многозначительно уперлась девчонке между ног. Потерлась взад-вперед сладенько, чуть сдвигая в сторону ткань ее белья и обжигая оголившуюся губку...

Жара!

У меня аж искры из глаз посыпались, отвечаю!

Но она...

До этого мягкая, податливая, тепленькая и согласная на все, чтобы я ее отвязно отымел, вдруг дернулась резко и фор-

менно зарычала.

— Какого х...

— Тише, тише, — зажал я ей рот рукой и прикусил плечико, тут же зализывая укус и скользя языком выше.

По шее, испытывая что-то сродни экстазу оттого, какой гладкой и бархатистой ощущалась ее кожа. Сладкой. Вкусной! Добрался до ушной раковины, где пощекотал мочку и едва не кончил, видя, как девчонка покрылась мурашками. И дышала так тяжело и часто, что сразу было понято — мы с ней на одной волне.

Но мне было мало!

Я уже весь горел. Задыхался от похоти. И явственно ощущал, как болезненно ломит член от нетерпения уже наконец-то заняться делом.

Ритмично. Глубоко. Жадно.

Сместил девчонку чуть набок, чтобы снова добраться до груди. Рванул чертову майку вверх и оголил налитое полушарие. Услышал громкое мычание, но только плотоядно улыбнулся, снова принимаясь терзать напряженную пулю соска.

Потирал ее.

Пощипывал.

Чуть оттягивал и отпускал, кайфуя оттого, как реагирует девчонка на мои прикосновения. Ибо распятая подо мной, она уже нетерпеливо елозила и шарила руками, пытаясь до меня дотянуться. Но где ей, маленькой и хрупкой, было что-

то мне, здоровому лбу, противопоставить.

Единственное, чего она добилась, подмахивая своей попкой, каждый раз сталкивая нас в таком чертовски правильном месте — она довела меня до ручки.

Пиздец!

Ей пиздец!

Она выйдет из этой комнаты в раскоряку...

Хотя, нет! Никуда она не выйдет. Мы проведем в этой комнате как минимум все выходные, пока я не притворю с ней в жизнь все свои грязные фантазии. Потому что я уже сейчас четко понимал — мне будет мало одного раза. Я этой сладкой девочке устрою такой секс-марафон, что у нее эйфория из ушей потечет. И кричать подо мной и на моем члене она будет так долго и громко, что сорвет голос.

Да!

Я оставил в покое ее грудь. А затем опустил руку вниз, подцепляя резинку кружевных стрингов. Снова услышал мычание, но только по-звериному хищно оскалился. Быстро и жадно провел рукой между ее ног по гладковыбритым губкам, закатывая глаза от кайфа. А дальше вернул на место согнутую ногу и в одно движение спустил ее трусики, оставляя их болтаться в районе колен.

И все!

Я уже почти сорвался с цепи. Почти отпустил своих демонов с поводка. Почти дорвался до такого желанного, нужного мне сейчас до ломоты в суставах тела, но...

Но вдруг выматерился, потому что девчонка неожиданно сильно цапнула меня за ладонь, коей я до сих пор зажимал ей рот. Я всего лишь на мгновение ослабил свою хватку, и она тут же резво брыкнулась в моих руках.

— Да, блядь, — прошипел я.

И где-то тут меня окончательно перекрыло. А глаза заволокло алой пеленой похоти. Да такой острой и ненасытной, что я уже ничего не видел и не соображал. Лишь только делал!

Потому что хотел ее!

Сильно! До дрожи!

Крутанул девчонку в своих руках, в одно движение вытряхивая ее из майки.

Зарычал удовлетворенно, когда перед моими глазами сверкнули они — две совершенные девочки с темно-розовыми сосками.

И тут же припал к одной из них жадно и влажно целуя.

И да, да, черт побери! Я слышал разъярённый вопль, но ни черта не понимал его смысла.

— Летов! Скотина! Ненавижу тебя, урод! Слезь с меня! Слезь!

Она чего там рехнулась с утра пораньше? Какой еще может быть «слезь», когда на уме только «вставь»? Но эта девчонка продолжала буянить, вцепляясь мне в волосы мёртвой хваткой и пытаясь от себя отодрать.

— Мерзкая погань! Отвали от меня! Ублюдок! Сукин ты

сын! — все не унималась девица и надрывала горло, кажется, уже основательно переигрывая.

Ну, я и не выдержал.

Поднял голову и врезался в ее глаза разного цвета полностью сумасшедшим взглядом. Завис на краткое мгновение, игнорируя узнавание и отмечая совершенные черты лица: неестественно длинные ресницы, маленький ровный нос, пухлые губы, которые мне захотелось тут же поцеловать.

Как магнитом повело, честное слово.

И я это сделал.

Сразу же трамбуя в нее свой язык. Глубоко. Сладко.

И выхватывая новый укус, но теперь уже в нижнюю губу. До крови! Оторвался от нее удивленно и с шипением, но тут же получил увесистого «леща».

Бам!

Аж в голове зазвенело.

Но с места я не сдвинулся. Только смотрел на бьющееся в истерике тело подо мной. И...

Охуевал!

— Стужева? — недоуменно пробормотал я, ощущая, как меня медленно, но верно накрывает волна чистого и незамутненного шока.

— Ах ты мразь! — замахнулась она еще раз, но я тут же перехватил ее руку. Через секунду и вторую, приподнимая их от греха подальше и от моей физиономии в том числе над ее головой, да там жестко фиксируя.

Я сам не переставал на нее пялиться. Во все глаза, мать ее ети!

— Ты чё тут делаешь? — тяжело сглатывая, исковерканным похотью и неудовлетворенностью голосом спросил я.

— Убить тебя пытаюсь, скотина ты такая! — заорала она мне прямо в лицо.

А я на перезагрузку ушел, в полном ахере скользя поплывшим взглядом по ее умопомрачительной груди. По лицу без уродливых очков. По такому чертовски сексуальному рту, который до сих пор сыпал в мою сторону оскорблениями и проклятиями.

А я до рези в паху хотел заткнуть его своим членом.

Внимание, дамы и господа! Кажется, Захар Летов окончательно ебанулся.

Аплодисменты в студию!

— Боже, если бы ты знал, как я ненавижу тебя! Органически не перевариваю! Ты — гнусь! И перестань тыкать в меня своим гребаным отростком, иначе, клянусь, я оторву его к чертовой матери!

И вот тут до меня во всех красках и предельно доходчиво дошло, что я чуть не оприходовал Ангелину Стужеву. Не ту девчонку, что снял вчера, а эту гарпию с грязным ртом и самыми бесячими глазами на свете. И это ее я обнимал всю ночь, кайфуя от ее запаха. Это на нее у меня встал по стойке смирно!

Натурально! Я ее хотел! Кажется, даже прямо сейчас!

Ой, блядь...

Аффект накрыл меня с головой, словно разрушительная волна цунами. Мои руки разжались. И Стужа тут же брыкнулась, скидывая меня с себя, а я в ступоре рухнул спиной на кровать. И почти не возражал против того, что это сумасшедшая ведьма запрыгнула на меня сверху и принялась лупить, куда придется и совершенно точно пытаясь выцарапать мне глаза. На я лишь на автомате отбивался от ее ручек-палочек.

И глазел!

На то, как ее бесподобная грудь призывно покачивалась перед моим взором.

Ва-а-а-а!!!

Наконец-то и до Стужевой дошло, в каком виде она пыталась лишить меня жизни. Зарычала возмущенно. Подпрыгнула на кровати, чертыхаясь и понося меня всеми известными нелицеприятными выражениями и насылая на меня всевозможные проклятия.

— Да чтоб ты сдох, Летов! Хотя нет! Смерть — это для тебя слишком просто. Живи, гад, живи и мучайся. Пусть тебя до конца дней твоих мучает кровавая диарея! Ясно? И член пусть отвалится! И чтоб тебя каждую ночь во сне, точно так же, как и ты меня, насилуют все черти преисподней! Пока ты окончательно не свихнешься и не загремишь в психушку! Потому что там тебе самое место, козел!

И все это непотребство она выливала на меня, поспеш-

но одеваясь, пока я форменно дурел от совершенства ее тела. А она ведь даже не прикрывалась, четко понимая, насколько круто выглядит в своей наготе.

Просто ВАУ!

Чертова самка богомола. Одновременно ужасная и прекрасная.

Даже вот такая, где одна ее рука была полностью забита цветными татуировками, а на башке, заплетенные в толстую косу, «красовались» гребаные дреды, которые на поверку оказались не жесткими, как пластмассовая вехотка, а очень даже мягкими, что и ввело меня в заблуждение.

Но я не мог оторвать от нее глаз. И вообще, не слушал, что она там орала в мой адрес. Я перся. Я откровенно пускал слюни, пожирая ее высокую, полную грудь алчным взглядом. Тонкую талию, плоский живот с тугим прессом и эту задницу, от которой уже вчера прилично тронулся головой. Стройные ноги, крохотные ступни с выкрашенными в черный цвет ноготками. И гладко выбритый лобок, который мелькал через тонкую сетку ее стрингов.

Чума!

Но теперь я мог со всей ответственностью заявить, что у Ангелины Стужевой было самое сексуальное тело, которое я когда-либо видел. А перебрал я немало, уж будьте уверены.

Она же, совершенно игнорируя мой тяжелый взгляд и до сих пор стоящий в ее честь по стойке смирно член, закончи-

ла с одеванием и пулей вылетела из комнаты, на прощание обжигая меня полным презрения взглядом.

— Мудак!

Дверь с грохотом хлопнула. Я остался один.

Но лишь откинулся на кровать, чувствуя, как саднит кожа от соприкосновения с ее ноготками.

Улыбнулся.

Заржал, в ахере потирая свое лицо руками.

А затем выкинул шизанутую гарпию из головы и мысленно перекрестился.

— Пронесло...

Глава 2 – Утро вечера ни черта не мудренее

Ангелина

А ведь я знала, что не нужно было ехать на эту сраную вечеринку!

Знала!

Задом чувствовала, что случится какая-нибудь неведомая хрень! Но чтобы такое? Когда ты никого не трогаешь, ложишься себе тихо-мирно спать без задних ног и до утра самозабвенно делаешь это, а потом внезапно понимаешь, что мир сошел с ума.

И с тобой пытается сделать какую-то гнусную пакость самый мерзкий персонаж на свете!

Дверь за моей спиной с треском захлопнулась, а меня всю передернуло, и кожа покрылась липкими мурашками брезгливости, когда я услышала громкий, глумливый хохот Захара Летова.

Смешно ему!

Это что, шутка такая или как вообще понимать?

Огляделась по сторонам, кипя от возмущения, а затем припомнила, что вчера совершенно точно запирала дверь на завертку изнутри. И в постель я ложилась в гордом одиночестве. А проснулась почему-то распятая под этим...

Блондинистым слизнем!

А-а-а!!!

Никогда не думала, что крепкий, здоровый сон станет моим проклятьем.

А этот конь педальный все заливисто ржал. Ну, ничего, ничего! Хорошо смеется тот, кто Ангелина Стужева!

Полыхая праведным гневом и лютой яростью, я припустила на первый этаж, где располагалась ванная комната, а там уж стащила с себя одежду и встала под горячие капли воды, принимаясь с отчаянием скоблить свое тело. Везде, где прикасались ко мне отвратительные грабарки Летова.

Я терла шею.

Я почти содрала кожу до крови на бедрах.

Снова и снова намыливала грудь. И между ног. Там, куда снова и снова впечатывалась влажная головка члена этого ублюдка. Она терлась об меня. Трамбовала прозрачную сетку трусиков, пытаясь проникнуть внутрь.

Боже, боже...

На мое счастье, я вчера завалилась спать не голая, как привыкла это делать дома, а все-таки оставила на себе нижнее белье и футболку. В противном случае, хрен его знает, вышла бы я из той комнаты все еще девственницей или бы меня задорно поимели просто потому, что так вдруг приспичило одному гадкому сукину сыну?

Катастрофа!

И все почему? Все потому, что я поверила россказням подруги про славную вечеринку, на которую придут только «свои».

— Да, брось, Геля! Я обещаю тебе, будет весело!

Ну, надо же, а не соврала, да? Я от веселья чуть не обделалась, мать ее ети!

Куда орать от восторга?

Зарычала сокрушенно и с удвоенной прытью принялась снова намыливать и тереть осквернённое тело, матерясь себе под нос и вспоминая, какие именно гадкие вещи со мной творил Летов.

Трогал.

Стонал.

Шипел, трамбуя в меня свой гадский член.

Черт! Вангую: эти адские звуки будут преследовать меня до конца моей жизни в ночных кошмарах.

Но самое противное во всем было даже не то, что его руки успели побывать практически везде и повсюду меня облапать. И даже не то, что он обслюнявил мою грудь. Нет! Мерзкой вишенкой на торте стал язык Летова, который он посмел сунуть мне в рот.

И пошебуршать там от туши, доставая едва ли не до моего кишечника!

Падаль!

Меня снова основательно передернуло и вновь обсыпало мурашками даже под почти кипятком, коим я себя зали-

вала в душевой. Но, когда кожу начало ощутимо пощипывать от бесконечного трения, я наконец-то, хотя все еще чувствовала себя испачканной, вылезла из кабинки и завернулась в безразмерный банный халат.

А затем минут десять, если не больше, посвятила тому, что чистила зубы и язык, пытаясь навсегда вытравить вкус Захара Летова из собственных воспоминаний и то, как максимально неприятно было с ним...

Целоваться?

Вот уж не думаю. То, что со мной сделал этот мудак, называлось как-то совершенно иначе.

Ах да, точно!

Это! Было. Издевательство!!!

Вцепилась в раковину и зарычала, а затем поймала свое отражение в зеркале и пообещала, что больше ни за что и никогда не вспомню то, как это было. Не стану лишний раз травмировать свою психику яркими картинками того, как Захар Летов в чем мать родила, лежал на кровати со своим этим стояком до пупа.

Какая гадость!

И смотрел на меня. Глазел! Пялился! Облизывался плотоядно и тяжело сглатывал, пока его бессовестные зенки скользили по моему обнаженному телу. И каждую секунду эта его огроменная штуковина между ног дергалась так, будто бы у нее случился припадок.

Господи!

Ниспошли мне миксер в глаза и лоботомию. Умоляю!

Продышалась основательно. Вытерлась. Отыскала в сумке очки и водрузила их на переносицу, а затем снова зарычала, замечая на своей шее, мать его, засос!

— Я убью его!

Ну все, мстя моя будет страшна!

Стянула свои дредлоки на макушке в объемную шишку. Оделась и пошагала на кухню, планируя потушить полыхающий пожар внутри себя стаканом ледяной воды, а потом...

К черту!

Я уберусь из этого дома и затем возьму аскезу против посещения подобных дурацких вечеринок до конца дней своих! И потопала...

Грозно, ворча себе под нос в адрес Захара Летова новую порцию разношёрстных, но обязательно смертных проклятий до седьмого колена, я устремилась на кухню. Конечно, хотелось отыскать в этом доме что-то потяжелее или секатор, а затем вернуться в ту самую комнату и все же отрезать одному блондинистому телу кое-что жизненно важное.

Как сдержалась?

Чудом!

И так я самозабвенно отдалась своим красочным фантазиям о том, как я, хохоча и улюлюкая, выпускаю Летову кишки, что ворвалась в кухню, не заметив, что там уже

кто-то есть.

Одна влюбленная и до безобразия сладкая парочка, которая в столь ранний час мило распивала чаи и самозабвенно целовалась, забывая обо всем на свете.

Предатели!

— Ну, — потянула я, мстительно потирая руки, — кому из вас, бессовестные вы личности, я обязана сказать «спасибо» и настучать по кумполу за «чудесное» пробуждение в столь «распрекрасное» утро, мать вашу?

Две пары глаз уставились на меня изрядно вопросительно и явно не понимая, о чем я толкую. Вот только Яна Золотова недоуменно пожала плечами, но Тимофей Исхаков, ее парень, внезапно стушевался, а затем.

Внимание!

Заржал, козел!

— Да, ладно? Он все-таки перепутал? — хохотал этот недоделанный Петросян, пока его девушка на пару со мной озадаченно пялились на веселящегося парня.

— Тим, что происходит? — насупилась блондинка, виновато на меня поглядывая, за пару секунд складывая в голове ужасающий пазл.

А Исхаков тут же поднял руки над головой, будто бы сдаваясь, но все еще смеясь, и принялся за жалкие оправдания.

— Черт, Стужа, я ведь не знал. Прости! Прости, пожалуйста!

Но я уже двинулась к нему, отчетливо транслируя, что жалкими извинения дело тут явно не решится. И лицо парня в моменте потускнело. Он перестал давить лыбу и нахмурился, а затем задал вопрос изрядно обеспокоенным голосом:

— Ангелина, что этот синебот с тобой сделал?

Я же вздрогнула, уселась на стул за кухонный остров и сложила дрожащие руки в замок. И только было уже нашлась с ответом, как позади себя услышала презираемый до печеночных колик голос.

— Да, мне тоже любопытно послушать, что я с тобой сделал, моя хорошая.

Прошел в кухню. Уселся напротив. И вперил в меня свои зенки так, что меня снова до основания пробрало...

Что ж...

Если вам нравятся ангелоподобные блондины с ясными небесно-голубыми глазами, пухлыми губами и высокими скулами, то вам к Захару Летову. Добавьте сюда рост под метр девяносто и идеальное телосложение капитана баскетбольной команды и страстного любителя подзависнуть в спортивном зале. Кубики, все дела — идеальный пресс без единого грамма жира. Такой сухой и тугой, что, кажется, о его мышцы можно спокойно колоть орехи.

Меня же эта вычурная, гипертрофированная красота лишь раздражала до зубовного скрежета, потому что я видела этого парня насквозь. Ибо он был бессовестным потреби-

телем, который совершенно не задумывается о том, что будет с его жертвой после того, как он с ней наиграется и спишет в утиль.

Даже его смех, заливистый и заразительный, вызывал у меня дикий приступ отвращения.

Выперся тоже мне, пф-ф-ф...

Ни стыда. Ни совести. Ничего святого.

Босой, без футболки. В одних лишь домашних штанах, которые висели на бедрах так низко, что мне хотелось взять чугунную сковороду и от души ею приложить по затылку эту топ-модель по-американски.

— Ну, чего замолчала? — криво усмехнулся Летов, а затем впился взглядом в засос на моей шее, и я увидела, как все волоски на его предплечьях в моменте встали дыбом.

По коже побежали мурашки.

По моей тоже.

— Дар речи пропал от твоей небесной красоты, — с ядовитым смешком выдавила я.

— Ну, я почему-то так и подумал, — кивнул он и отвернулся, подхватывая со стола пару поджаристых тостов и щедро намазывая их сливочным маслом.

Вот только до рта донести не успел.

— Захар мне всю ночь спать не давал, ребята. И отменно изговнякал утро.

Бам!

Неестественно голубые глаза снова впились в меня с вы-

зовом, пока я сама смотрела на это исчадие ада в такой обманчиво презентабельной упаковке. Затем потянула руку и невозмутимо стащила тост, который он так тщательно намазал маслом и смачно откусила хрустящий кусочек, полируя врага давящим взглядом.

Замычала от удовольствия и закатила глаза.

А затем покачала головой и выдала:

— Летов храпит, хуже перфоратора.

— Стужева! — угрожающе потянул гадский гад, а я удивленно вскинула брови и снова впилась зубами в поджаристый хлеб, представляя, что это шея моего злейшего врага.

— И пердит под нос, — активно закивала я.

— Ты рехнулась? — опираясь предплечьями на столешницу, резко подался ко мне этот гнусный червь, угрожающе прищуриваясь и покрываясь алыми пятнами от бешенства.

Исхаков прикусил кулаки, давясь смехом. Золотова ела губы по той же причине. Но нам не было до них никакого дела. У нас тут, черт возьми, была своя атмосфера.

— Скажешь, нет? — фыркнула я. — Ну давай, не томи, все ждут твою версию событий.

— Ты чокнутая! — выплюнул он мне в лицо, но я только погоняла штангу пирсинга в своем языке, отчего Летов громко сглотнул.

И равнодушно пожала плечами.

— А я разве спорю? Но мы ведь не во всем покаялись, верно? — поиграла я бровями, а Летов фыркнул.

— Жги, чего уж там, — сложил он руки на груди.

— Ой, ребята, не подумайте ничего такого. Просто Захар у нас любитель спать в костюме Адама. Но давайте честно: откуда ему было знать, что он вошел не в ту дверь, верно? Он же ни при чем, а мне теперь нужна срочная помощь психоаналитика и долгие годы реабилитации. Что тоже, к слову, не даст никакой гарантии. Вот такие дела...

— Я попал в дурку, — закатил глаза Летов.

А я рассмеялась, в душе невероятно радуясь тому, что шутками и прибаутками я обогнула острую тему. И теперь мне не придется никому рассказывать весь тот кошмар, в который окунул меня с утра пораньше один конченый дегенерат.

Фух!

Вот только смех застрял в горле, когда я увидела, каким именно взглядом гипнотизирует меня Захар Летов. Словно он пытался удаленно вскрыть мою черепную коробку и залить мне мозги как минимум серной кислотой. Или банально придушить.

— Чего вылупился, будто бы я тебе сдачи с рубля не дала? — огрызнулась я, полыхая гневом и антипатией.

Но он все-таки ответил, задумчиво потирая подбородок:

— Кроме очевидного, Стужева, я нашел в тебе еще один дефект — твои ямочки на щеках. Они означают, что мышцы, как и твои мозги, росли неправильно, и между ними образовались впадины.

Я изобразила рвотный позыв.

А затем снова лучезарно улыбнулась, демонстрируя всем и каждому свой «дефект». А потом посмотрела на Исхакова и Золотову, взяла из тарелочки половинку грецкого ореха и далась в пространственные рассуждения о бесконечном вечном.

Ну, потому что, что еще мне оставалось делать? Не хватать же вилку и не выкалывать этому блондинистому таракану его наглые шары просто потому, что он меня БЕСИТ?

— А вы знали, ребята, что у меня аллергия на орехи? Нет? А ведь оно так и есть. Но, вообще, считаю, что аллергия — вещь до безобразия несправедливая, ибо чаще всего она возникает на что-то совершенно клевое и классное, такое как цветы, фрукты или милых котиков. Хотя, казалось бы, да? Но почему бы ей не быть полезной, м-м? Почему нет аллергии на мудаков? Вот, к примеру, идет тебе человек навстречу, а ты чихаешь так, что аж слюни разлетаются по всей улице. И становится сразу понятно, что тебе встретилась какая-то мразь.

И на последнем слове я впилась в глаза Летова с вызовом и зашкаливающей яростью.

А эта сутулая собака вместо того, чтобы хотя бы смутиться и наконец-то уже извиниться передо мной за содеянное, откинул голову назад и снова принялся смеяться своим этим бесячим смехом.

Чтоб его черти драли!

— Нет, я, конечно, догадывался, что ты волшебная, Стужева, но, чтобы до такой степени. Это сильно...

Ну все! С меня хватит!

Я не выдержала, схватила со стола ломтик помидора и швырнула в его наглую, совершенно невозможную морду. И кровожадно улыбнулась, видя, как овощ впечатался в щеку Летова и скатился вниз, оставляя на его лице и груди влажный, красноватый след.

Получи, фашист, гранату!

Но гребаный Захар вместо того, чтобы признать то, что у меня есть повод на него сердиться, лишь кивнул, а затем взял стакан с водой и плеснул его содержимым в меня. Прямо в лицо!

— Ах ты..., — соскочила я со стула, смотря на то, как по моей футболке растекается мокрое пятно.

— Остынь! — рявкнул он.

— Да я тебя! — схватила со стола булку с маком и швырнула ею в Летова.

— Чертова Кикимора! — зарычал он и ринулся на меня с явным намерением убить с особой жестокостью.

— Промах эволюции! — парировала я, взвизгивая и отпрыгивая дальше, а затем и вовсе принялась бегать вокруг кухонного острова и кидаться в своего врага то одним снарядом, то другим.

Пока Исхаков и Золотова молча смотрели на нас в полнейшем ахере. И ржали.

— Тебе крышка, Стужева!

— Да пошел ты!

Навернула два круга и с ужасом поняла, что я катастрофически проигрываю. А потому на очередном заходе я резко изменила траекторию своего движения и пулей вылетела из кухни, на прощание посылая Летову лишь смачный фак!

Но, кажется, это было моей фатальной ошибкой.

Потому что уже в следующий момент блондинистый червяк резко бросился ко мне, выкидывая свою культяпку и все-таки хватая меня за запястье.

В следующий момент мир перевернулся, а меня поперек тела закинули на плечо.

И смачно шлепнули по заднице.

Но окончательно стало страшно тогда, когда я услышала хриплый, раздраженный донельзя голос Летова:

— Пришло время немного охладиться, моя хорошая.

— Нет! — зарычала я, кулачками молотя его по спине.

А тому хоть бы хны!

— О да...

Рявкнул он и снова зловеще захохотал. Козел!

Глава 3 – Сим-сим, закройся!

Ангелина

— Куда ты меня тащишь, хтонь? — натуральной змеей шипела я, изо всех силенок пытаясь вывернуться из клешней Летова, коими он цепко и крепко удерживал меня.

Паучара!

Но он лишь шагал себе бодро вперед и молча сносил все удары, которыми я обсыпала его спину и ягодицы. Но я не прекращала попыток высвободиться, потому что задницей чувствовала — враг задумал очередную пакостную гнусность по мою душу.

— Отпусти меня немедленно! — максимально грозно и требовательно скомандовала я.

— А то что? — хохотнул этот вредитель. — Покусаешь меня, что ли?

— Хм-м-м, а почему бы и да? — дернулась я, а затем извернулась и со всей дури, на которую только была способна, цапнула парня чуть ниже правой лопатки.

— Ах ты пиранья хренова! — заорал он и еще раз огрел меня ладонью по заднице.

Сильно! Больно!

А я снова впилась в него зубами.

— Пусти!

— Сейчас-сейчас, почти пришли, — елейным, прямо-та-

ки сахарным голосом пропел парень, а меня в дрожь кинуло.

— Чтобы ты ни задумал, жук ты колорадский, запомни: ты об этом пожалеешь!

— Не, Стужа, я пожалею, если этого не сделаю, — выплюнул он, а затем открыл дверь и зашел в ту самую ванную, где я себя совсем недавно скоблила после его прикосновений.

И стоило мне лишь подумать, на кой хрен он меня сюда притащил, как меня в один рывок сбросили с плеча и запихали в душевую кабину. А дальше, я даже рот не успела открыть и выкрикнуть что-то максимально устрашающее, как Летов крутанул кран с холодной водой и направил на меня душевую лейку.

— Остынь, я сказал!

Я взвизгнула, а потом и вовсе закричала, от шока временно забиваясь в угол. Но услышала победный, до безобразия довольный смех одного блондинистого таракана и вновь налилась яростью. Да такой концентрированной, что даже перестала чувствовать, колючий лед, обрушивающейся на меня воды.

И визжать прекратила.

И браниться тоже.

Но кулаки стиснула, а там уж атаковала своего врага. С протяжным рычанием и хриплой угрозой на грани истерики:

— Надеюсь, ты сохранился, скотина...

И в бой!

Конечно, он предугадал мое нападение, а потому выбро-

сил вперед свою длинную клешню и прихватил меня за горло, не позволяя к нему прикоснуться. Но я только этого и ждала. А там уж, думаю, он видел победный плеск в моих глазах и промелькнувшую ликующую улыбку на устах.

Ибо да!

Я подняла ногу и от души врезала мерзавцу по голени.

Бам!

— А? Нравится тебе такое «доброе утро», Летов? Нравится?

— Сука бешеная, — зашипел он.

— Кобель похотливый! — заорала я и снова отвела ногу, еще раз старательно вдаривая по ненавистной голени.

— Ну, все! Сама напросилась! — отбросил он лейку в сторону и вломился ко мне в кабинку.

А я обманчиво замерла на месте и поманила его к себе ладонями:

— Иди к мамочке!

И стоило лишь парню приблизиться ко мне, чтобы, очевидно, скрутить и выпороть, как я резко подняла колено и зарядила гаду прямо в пах.

И ведь почти попала!

Но, видимо, этот мерзкий скот разгадал мои намерения, а потому свел ноги вместе и чуть отвернулся, а затем одной рукой дернул меня на себя. Но движение получилось слишком резким, а пол в душевой был слишком скользким, а потом я тут же поскользнулась и вскинулась руками, понимая,

что все — сейчас я набью себе восхитительную шишку. И это как минимум, а максимум — до крови раскрою себе голову.

И все, из-за кого?

Правильно! Из-за одного редкостного мудака. Который, к слову, попытался предотвратить мое падение и успел все-таки в последний момент прихватить меня за футболку. Она же не выдержала подобного варварского обращения и жалобно скрипнула, расползаясь по швам так, что открыла вид на мою грудь, упакованную в обычный хлопчатобумажный бюстгальтер.

Который от воды стал полупрозрачным и почти не скрывал сосков, которые от холода превратились в два твердых камушка. И Летов все это видел!

И так отчаянно обидно мне стало. Так невыносимо противно. Оттого, что он смотрел и буквально раздевал меня своими глазами. Снова! А я чувствовала, что меня эти наглые взгляды пачкали!

— Ненавижу, — выдохнула я, дотягиваясь рукой до лейки, что все еще била ледяными струями в стену.

А затем без сожаления, но с запредельным удовольствием направила поток воды прямо Летову в физиономию.

— Ты! Пакость! Тебе надо было всего лишь извиниться передо мной!

— Хрена тебе лысого, Стужева! — зарычал он и запрыгнул на меня сверху, пытаясь выдернуть лейку из рук, но я продолжала свое занятие, уже даже не обращая внимания на

то, что и сама вся была залита ледяной водой.

И зубы стучали.

— Ты меня чуть не изнасиловал!

— Да ты и бешеная такая, потому что у тебя недотрах налицо!

— Пошел ты!

— Еще спасибо бы мне сказала, — все-таки выдрал он из моих рук чертову лейку и откинул ее прочь.

Затем поймал обе руки, коими я пыталась выцарапать ему глаза. А преуспев, снова завел их над моей головой, крепко-накрепко фиксируя запястья, и навалился на меня, сокращая расстояния между нашими лицами до жалких сантиметров.

Я тут же наглоталась его близостью.

И содрогнулась. От того сладкого аромата, который он источал. Такой же приторный, как и сам этот парень. Он пропитал его кожу, а теперь травил и меня нотами черной смородины, персика, карамели и зеленого чая.

Меня почти затошнило.

А Летов почему-то замер и лишь суматошно скользил глазами по моему лицу. Глубоко и нервно дышал носом. Сглотнул тяжело и громко. Чуть тряхнул головой, будто бы пытаясь прийти в себя, а затем тихо и зловеще выдал:

— Еще слово в мой адрес, Стужева, и ты крепко об этом пожалеешь. Кивни, если до твоих замшелых мозгов дошел смысл моего предупреждения.

Но я только дернулась под ним из последних сил и оскалилась:

— Засунь себе свои предупреждения в задницу!

А он лишь улыбнулся кровожадно и облизнулся:

— Что ж, ну ты сама напросилась...

И в следующее мгновение схватил меня рукой за подбородок, с силой надавливая на скулы и заставляя приоткрыть рот, а затем обрушился на меня своим ртом. И одновременно с этим толкнулся в меня пахом.

Тихо зарычал.

А затем буквально начал насиловать мой рот, будто бы трахая его своим языком. Ритмично. И глубоко! Прикусывал мои губы. Жрал! И снова толкался в меня, пока я не всхлипнула тихо, боясь, что от омерзения банально сойду с ума.

— Ненавижу тебя! — все-таки выдохнула я ему в рот.

А Летов будто от транса очнулся. И наконец-то от меня отлепился, тяжело и хрипло дыша. И смотря на меня с такой яростью, что все мои внутренности скрутило в морские узлы.

— У нас это абсолютно взаимно, Стужева! — сипло припечатал он меня. — Но учти, еще раз ты свой рот откроешь в мою сторону, и я, клянусь, что одними поцелуями мы не ограничимся. Сначала я тебя выпорю. А потом трахну. Так жестко, что ты еще месяц будешь ходить в раскоряку. Так что не зли меня больше!

— Кишка тонка!

— Испытай меня, моя хорошая.

Выдал все это. А затем в одно пружинистое движение встал и ушел, оставляя меня лежать на полу душевой, кипеть от ярости и придумывать план мести этому ублюдку.

Не на ту нарвался, мальчик...

Глава 4 – Жечь демонов!

Ангелина

Я ведь этим дерьмом никогда в жизни не пользовалась. А теперь вот пришлось. А все, из-за кого? Из-за одной блондинистой нечисти, что свалилась на мою голову и отравила меня своей скверной. Ненавижу!

Распотрошила под шумок косметичку мамы, а там уж отыскала тональный крем и консилер, а затем замерла напротив зеркала, хапая зубодробительную дозу воспоминаний.

Какой позор!

У меня горе приключилось, а на меня даже моя подруга Яна Золотова смотрела так, будто бы между мной и Летовым случились брачные, а не голодные игры. Улыбалась так, словно что-то понимала ей одной доступное. А когда выдала мне свежую одежду, так как моя пришла в негодность, то и вовсе заявила:

— Такое ощущение складывается, Стужа, что Лето не целовал тебя, а пытался сожрать твои губы.

— Меня сейчас вырвет, — тыльной стороной своей ладони потерла я рот. Меня передернуло, и волна омерзения прошила тело от макушки до пят.

— Вопрос в другом, — поиграла бровями блондинка, а я закатила глаза.

— И в чем же?

— Как при вашей жесткой конфронтации он вообще до этого докатился?

— Скорее всего, каком кверху! — только фыркнула, покачала головой и отвела глаза, позорно стыдясь рассказать подруге все то, что со мной проделал Летов. Насколько он далеко зашел в своей похоти, что даже не понял, с кем именно проснулся в одной постели. Кого именно лапал.

Я просто хотела все забыть, как самый страшный сон. Будто бы той гадости и вовсе не происходило, а мне лишь все привиделось. Вот сейчас я открою глаза и пойму — все этой неправда. И на моей шее не остались его гадкие отметины.

Если бы только на шее, верно?

Уже дома я увидела, что блондинистый дождевой червь и на моей груди оставил свои автографы. Прямо под соском красовался бордовый засос, да такой яркий, что, глядя на него, меня обваривало кипятком и выносило от ярости и брезгливости на раз.

Я еще не знала, как ему отомщу за все эти унижения, но была полна решимости придумать что-то коварное, кровожадное и запоминающееся. Чтобы он, сволота бесстыжая, до конца дней своих помнил Ангелину Стужеву. Помнил и содрогался от ужаса!

Вот так вот!

— Что это у тебя там такое, Геля?

— Ох, ты ж! — подскочила я на месте, задергивая полы халата и пряча от мамы последствия позорной вечеринки. —

Стучаться не учили, мам?

— У тебя была так-то дверь открыта, — рассмеялась женщина, а я зыркнула на нее сурово и обвинительно.

— И все же...

— И все же, что это там у тебя? — протянула руки мама и выдрала из моих кулачков халат, а затем улыбнулась. — О, так у нас наконец-то появился мальчик? И кто же он?

— Мудаков Скотина Гадович! — выплюнула я, чувствуя, как меня резко кидает, то в лютый холод, то в нестерпимый жар от ярости.

— Оу! — стушевалась женщина.

Я же повернулась обратно к зеркалу и с особым рвением продолжила то, что начала ранее, а именно маскировать тональным кремом чертов засос.

— Давай помогу, — забрала спонж из моих рук мама, и я покорно позволила сделать ей все в лучшем виде. — Подробности будут?

— Нет, — отрицательно качнула я головой, — не думаю.

— Тебя обидели, Геля? — нахмурилась мама, а я порывисто ее обняла, давая понять, что нет повода для беспокойства.

— Попытались, но у меня острые зубы.

— Ладно, — погладила она меня по голове, и я облегченно прикрыла веки, — если мне не за что переживать, то я отстану. Но если нет, то я всегда рядом. Помогу. Поддержу. И никогда не стану осуждать.

А я прикусила губу и вдруг подумала совсем о другом. А затем решила, что сейчас наступил самый подходящий повод для откровенного разговора с мамой. Ведь она должна была обязательно меня понять, а затем дать добро на то, что я задумала.

— Ну вот, — улыбнулась женщина через пару минут, когда закончила маскировать отметину на моей шее, — совсем и не видно.

— Спасибо! — чмокнула я ее в щеку.

— Пошли завтракать, а то на пары опоздаешь.

— Хорошо, только оденусь и прибегу, — кивнула я ей, а уже спустя пять минут зашла на кухню, где мама виртуозно пекла сырники, обильно поливая их кленовым сиропом.

Я же, дабы снискать у нее еще большее расположение в это утро, закинула в рот сразу парочку этих творожных пухляшей и застонала, вскидывая руки к небесам:

— Как вкушна, мам! — прошамкала я. — Прошта пища богов!

— Я рада, — кивнула она мне от плиты, а я наконец-то дожевала, прочистила горло и пошла в наступление.

— Мам?

— М-м?

— Слушай, мне в пятницу отец звонил.

Ее тело напряглось и замерло каменным изваянием. Ожидаемо так-то, но ее молчание было добрым знаком, а потому я решила, что могу говорить дальше.

— Он хочет общаться. А я считаю, что он заслуживает еще один шанс и...

— Как он нашел твой новый номер телефона, Геля?

— Послушай, — уж было начала я, но женщина резко крутанулась на одном месте, а затем обвинительно ткнула в меня кухонной лопаткой.

— Ангелина, але, гараж! Этот человек бросил тебя, когда ты еще была совсем младенцем.

— Но...

— Он не помогал тебе, не интересовался твоими делами, здоровьем, самочувствием. Он просто положил на твое существование огромный болт! И знаешь почему?

— Я знаю, — кивнула я, нервно облизывая губы. — Но ты и меня пойми! Он единственный родной мне человек и я...

— Единственный? — как от пощечины дернулась женщина, и по ее щеке скользнула слезинка.

А мне стало так до невозможности стыдно, что я бросилась к женщине и обняла ее крепко-крепко, бесконечно шепча:

— Прости, прости, прости! Я не то имела в виду!

Мы обе поняли, что я сморозила сущую глупость. Но также мы обе осознавали, что в моих словах зарыто и зерно истины. Регина не была мне родной по крови. Она была сводной сестрой моей матери, с которой у нее никогда не складывались сколько бы то ни было теплые отношения.

Но, когда же в мои пять лет мамы не стало, именно Регина не дала мне узнать, что такое детский дом. С тех пор она заменила мне самого близкого человека на свете и стала безопасной взрослой. И я не имела никакого права говорить о том, что она мне неродная.

Потому что это было не так!

Она любила меня! А я ее!

Но также мне очень хотелось, чтобы в моей жизни появился папа. Тот самый, который бросил меня, но теперь понял, что совершил ошибку. И он искренне хотел наладить со мной общение. Стать мне опорой и поддержкой.

И я не понимала, почему Регина лишала меня этого права.

— И давно вы с ним наладили общение? — прохрипела мама.

Именно мама. Потому что иначе ее назвать у меня язык не поворачивался.

— Пару месяцев назад, — честно призналась я.

— И ты молчала?

— Я знала, что мы из-за него сбежали из Белгорода, — пожала я плечами.

— Да, потому что твой папаша потянул к тебе свои щупальца! И задушил бы, если бы я не предприняла попыток спрятать тебя от него!

— Он пытается все исправить!

— Через двадцать лет?

— Да!

— И каким же образом?

— Чтобы я приехала к нему на какие-нибудь выходные. Он купит мне билет, и я смогу познакомиться с его новой семьей. И с ним.

Регина же долго смотрела на меня воспаленными глазами, наполненными соленой влагой, а затем смахнула их кухонным полотенцем. И жестко отчеканила:

— Нет!

— Что?

— Нет! — еще раз безапелляционно отрезала женщина.

— Но почему? — отступила я на шаг.

— Потому что он не отец тебе, Ангелина! Биоматериал — да! Но не родной человек! — зло выплюнула Регина, а я отрицательно дернула подбородком.

— Послушай...

— Нет, это ты послушай, милая моя девочка! Он сломал твоей матери жизнь! Он выдернул ее из привычной семьи, а затем соловьем пел песни, обещая жениться после дождичка в четверг. Он рассорил ее с нашими родителями и со мной. Он просто промыл ей мозги, а затем начал просить, чтобы она родила ему сына.

— Я знаю эту историю, — отмахнулась я, а затем уже хотела было выйти из кухни, но Регина придержала меня за руку.

— Так послушай ее еще раз, чтобы освежить себе память. Потому что ты, наверное, забыла, что, стоило тебе появить-

ся на свет, как твой расчудесный папаша, объявил о том, что он банально не готов к ребенку и вообще ему в тягость находиться в квартире, где вечно орет младенец. И он ушел. И больше не вернулся! Даже тогда, когда ты заболела и тебе срочно понадобились медикаменты. Даже тогда, вас поганой метлой погнали с матерью из съемной квартиры. Даже тогда, когда твоя мама заболела и больше не могла ухаживать за тобой.

— Но...

— Ты должна его ненавидеть — и это как максимум!

— Но...

— А как минимум — это он обязан тащить свою задницу к тебе, но никак не наоборот. Если ему вдруг приспичило посмотреть на то, какая ты выросла, то пусть он сам за тобой бегает, но никак не иначе!

— Ты бы и тогда была против, — надула я губы.

— Да, потому что это не человек, не мужчина и не отец. Он — тварь. И трус. Гнида, которая бросила своего ребенка на произвол судьбы. Он даже не вписал свое имя в свидетельство о твоем рождении. А ты рвешься к нему, даже не понимая, что там не с кем знакомиться. Не с кого брать пример.

— Это значит — нет? — сложила я руки на груди.

— Он навалил в твои чудесные ушки отборного дерьма, Ангелина. И ты поверила. Как поверила, когда-то ему и твоя милая, доверчивая мама. Но я не позволю этому человеку

снова войти в нашу жизнь и все в ней перегадить.

— Ясно, — кивнула я, а затем крутанулась на месте и устремилась на выход, поспешно натягивая на ноги кеды и подхватывая сумку.

А затем поспешила на пары, в голове крутя и так, и эдак мысли о своем отце. И о том, что, несмотря ни на что, хочу с ним увидеться и банально спросить: почему он бросил меня? И я верила, что он сможет дать мне ответ на этот непростой вопрос. А потому была обязана найти способ, чтобы все-таки как-то увидеться с ним.

Разве я не имею на это права?

Но мысли об отце пришлось оставить далеко позади собственного сознания, потому что, спустившись в метро и войдя в вагон, а там уж усевшись на свободное место, я неожиданно замерла, понимая, что сидящие рядом девчонки болтают про моего злейшего врага.

Про Летова!

И то, что они говорили, заставило волоски на моем теле встать дыбом. А там уж и мне самой возненавидеть это исчадие ада еще сильнее!

Хотя изначально все начиналось очень даже невинно. Это была типичная и уже знакомая мне до боли картина, где влюбленные в Летова курочки пускали на него слюни.

— Маш, он такой крутой! Блин, ну я не могу! — потянула одна, тыча под нос подруге экраном своего телефона. А там

уж была открыта личная страница блондинистого слизняка в одной всем знакомой, но, увы и ах, запрещенной социальной сети.

— Я на эту фотку вчера вечером мастурбировала, — ткнула девица в снимок, где Захар без футболки и в одних лишь шортах, провокационно низко висящих на его узких бедрах, улыбался, держа в руках баскетбольный мяч.

— Тише ты! — шикнула на нее подруга, но та лишь фыркнула и закатила глаза.

— Да, плевать!

— Интересно, у него есть девушка?

— Конечно, есть! С одной лишь поправкой, что она каждый день новая.

— Я бы разок ему дала.

— Я бы тоже, — мечтательно потянула одна из дурочек, а меня отчетливо затошнило.

Как можно быть такими тупицами?

— Ну а если серьезно?

— Если серьезно, то Летов не заводит отношений от слова «совсем». Трахается — да. Но, чтобы за кем-то хотя бы ухаживать, то точно нет. Без шансов! Да и давай честно, с такой внешностью ему без надобности заморачиваться. Девчонки сами в его руки падают, стоит ему их только пальцем поманить.

— Я думала, быть может, самой к нему подкатить. М-м?

— Ты что! Даже не пытайся! Весь институт знает, что За-

хар органически не переваривает дешёвок, что сами за ним решаются бегать, размахивая трусами, как белым флагом.

— Но...

— И тут без вариантов, уж поверь мне! У Захара на этот счет пунктик — только он делает выбор, иначе, просто резко опускает. Однажды этот парень одной такой сообразительной и смелой прямо в лицо выдал, что, мол, не на помойке себя нашел, чтобы тратить время на ширпотреб.

— Он реально так сказал?

— Своими ушами слышала!

— Боже, теперь я еще больше его люблю! Он мой краш!

— И мой...

— Но все же, может, как-то можно его заманить в свои сети? Что-то придумать?

— Одна уже придумала.

— О чем это ты?

— О, ты еще не в курсе этой истории?

— Какой?

— Летов в конце прошлого учебного года вроде как связал себя узами священных отношений с одной из студенток с нашего потока. Поговаривали, что именно она проявила инициативу и все выгорело. Естественно, женская половина института страшно ей завидовала. Девчонки только что порчу не наводили и куклы вуду по ее душу не мастерили, а так было все. Проклинали дружно и коллективно!

— Даже так?

— Да! Говорили, что Летов сделал ей предложение!

— Вау!

— Подарил кольцо с огромным бриллиантом и вообще выдал безлимитную банковскую карточку, перекрывая все запросы любимой.

— Вот это да!

— Я сама от зависти слюной капала. Ну, ты представь! Вцепить и сразу так по-крупному наследника Игоря Летова, клубного короля столицы. Там в семье денег — хоть жопой жуй. Тачки, квартиры с видом на Кремль, путешествия, бренды — для Захара не существует проблем, он просто берет, что хочет и все. Не мальчик, а настоящий золотой билет. И эта счастливица его вытянула!

— И? Что было потом?

— А потом он ее обрюхатил!

— Ни хрена себе!

— Поговаривают, что там двойня была. Прикинь?

— И что было дальше?

— А дальше наш Захар решил, что не готов к семейной жизни. И вознамерился поставить дерзкую девку на место. Но не просто выкинул ее из своей жизни, прописав пинка под зад, а поступил красиво.

— Боже, не томи!

— Он собрал всех своих и ее родственников в одном доме, а беременной невесте сообщил, что просто хочет сделать в присутствии всей родни официальное предложение.

— О господи!

— Но вместо того, чтобы упасть на одно колено и просить ее руки, он просто рассмеялся и сказал, что все это было лишь шуткой. Что ребенок не его, а его хата с краю и он ничего не знает. Что он не любит девушку. Даже больше — он ее презирает. Ему она противна, и его трясет от одной только мысли, чтобы соединить свою судьбу с этой дешевой шлюхой.

— Мамочки! И что же было дальше?

— А дальше девчонка от горя и боли разбитого сердца попыталась наложить на себя руки.

— Охренеть!

— Да! Ребенка не спасли, а вот ее откачали, но...

— Но?

— Но от потрясения она тронулась головой и совсем спятила. Родители срочно поместили ее в психушку, где она коротает свои безрадостные дни до сих пор.

— А Захар?

— А Захар уже, наверное, и забыл, как ее зовут. Отряхнулся и дальше пошел.

Эти два лица, не обременённые интеллектом, еще пару станций пели дифирамбы блондинистому таракану и мыли кости потенциальным соперницам по его завоеванию, а затем заткнулись и принялись с особым рвением пускать слюни на его фотографии в сети.

Я же стиснула кулаки и поняла для себя совершенно точно, что задница Захара Летова выпрашивает ремня!

Глава 5 – Потерять себя

Ангелина

— Ты чего такая хмурая? — шлепнулась рядом со мной на скамью Яна Золотова, а я стрельнула в нее угрюмым взглядом и отвернулась, понимая, что конкретно с этой девчонкой не могла быть откровенна. Она моего мрачного настроя насчет одного белобрысого персонажа не разделяла.

— Не с той ноги встала, — буркнула я.

— Ну, это твое обычное состояние. Разве нет? — хохотнула подруга, а я прищурилась, сложила из ладоней пистолет и дурашливо пустила ей пулю в лоб.

— О, я сдаюсь! Сдаюсь! — рассмеялась девушка, я же кивнула, принимая это завуалированное извинение.

Ну а чего, собственно, радоваться, когда тебе каждый божий день приходится лицезреть на учебе человека, от которого тело покрывается мурашками из-за тотального неприятия.

Кстати, о птичках.

Вот и он ввалился в аудиторию со своими приспешниками. Гогоча и скабрезно гикая, прошел на свое место на верхотуре, старательно делая вид, что, кроме его венценосной персоны, в помещении никого нет.

А у меня на шее засос от его губ огнем вспыхнул, и я тихо чертыхнулась, прикрывая чертову метку дредами. Надо по-

гуглить, сколько подобная пакость держится на коже. Тут же полезла в телефон и вбила нужный запрос.

Через секунду застонала и под нос тихо чертыхнулась.

— Что случилось? — обеспокоенно вскинулась Яна, а я скривилась и разочарованно выгнула губы.

— Четырнадцать дней!

— И? Что это значит?

— Ничего, — отмахнулась я, — забей.

А сама еще больше раскалилась, потому что мне нестерпимо было носить на себе напоминание того, что губы Летова прикасались ко мне. Что его чертов язык пробовал меня на вкус. Что его зубы впивались в меня. Боже...

А еще я злилась на себя за то, что не вставила, как это обычно делала, наушники в уши, наворачивая музыку на полную катушку. А зачем-то слушала глупые сплетни про Короля института. Никогда этим не славилась и всегда избегала разговоров про Летова, даже с подругой Яной. В особенности с ней, потому что она отчего-то считала его не самовлюбленным придурком, а очень даже милым парнем.

Тьфу!

И тут такое! Засело занозой в голове и зудело, заставляя думать о бесячем персонаже снова и снова.

Так продлилось до большой перемены. А там уж Золотова отлучилась по каким-то своим делам в деканат, я же потопала в столовую, где меня уже ждала Полина — единственный до Яны человек, с которым я общалась в стенах нашего вуза.

Она училась на параллели, была милая, не корчила из себя невесть что, тоже носила дредлоки, а еще у нас были общие музыкальные вкусы и предпочтения в кино.

Вот только добраться до своего привычного столика я не успела. Ибо в помещении, пропахшего тушеной капустой и сосисками в тесте, уже разыгралась очередная мыльная опера. И да, да, да, господа! В главных ролях были все те же до оскомины знакомые лица:

Захар Летов и компания. При участии очередной дурочки, которая имела несчастье влюбиться в блондинистого упыря и сунуться к нему с предложением руки и сердца.

Ах и сколько же здесь было патетики! Все присутствующие в буквальном смысле замерли и ловили каждое слово разыгравшегося спектакля.

— Что это? — скривился Летов, брезгливо и двумя пальцами приподнимая нечто продолговатое, упакованное в зип-пакет.

— Тест на беременность, — пояснила ему девчонка и добавила, — положительный.

Кто-то из его друзей заржал. Кто-то хлопнул парня по плечу и язвительно заметил:

— А это уже становится мейнстримом, Лето.

— Да уж..., — саркастически улыбнулся блондин, а затем поднял на девчонку насмешливый взгляд и выдал. — Дай угадаю, от меня, да?

— Да.

— Вау! — в деланном приступе восторга зажевал он нижнюю губу, но почти тут же превратился в равнодушный кусок льда.

Спокойно полез в задний карман, достал несколько купюр самого крупного номинала и пренебрежительно швырнул на стол. А затем отрезал.

— Детка, без обид, но я даже не помню, как трахал тебя. Смекаешь, насколько ты мне дорога? А потому я могу дать тебе лишь бабки и бесплатный совет: беги на аборт и как можно скорее.

Девчонка же стояла перед ним, и я видела, как задрожал ее подбородок. Как под визгливое улюлюканье толпы по ее щекам заструились слезы. А Захар Летов уже и забыл о ее существовании. Отвернулся и оживленно заговорил о чем-то с одним из своих друзей. Рассмеялся заливисто. А затем повернул голову и нахмурился:

— Что? Ты все еще здесь?

Толпа вокруг зашлась поистине ревом стаи шакалов. Кто-то засвистел. Кто-то раздавал бедняжке бесплатные советы по типу «не позорься». А девчонка подхватила со стола красные банкноты, сжала их в кулачках, а затем размахнулась и кинула их в Летова.

— Козел! — заорала она.

Но парень лишь безучастно пожал плечами и кивнул:

— Ну нет, так нет...

И снова сосредоточился на болтовне с друзьями. А я по-

няла, что пора бы щелкнуть по носу этого засранца! Сжала руки в кулаки и бросилась на амбразуру...

Честно?

Когда я подошла к Летову со спины почти вплотную, то первым жарким порывом было просто сомкнуть на его шее ладони и душить. Душить, пока этот бессовестный ублюдок не захрипит, а затем и не задёргается в предсмертных конвульсиях. Да, я, возможно, кровожадная фурия, но он...

Скотобаза!

Но не вышло. Как минимум потому, что при моем приближении смех и разговоры за столиком в центре зале стихли, а друзья блондинистого упыря, как один, принялись таращиться на меня, как на второй пришествие.

Спина моего врага напряглась.

Он выпрямился и повернул голову направо, боковым зрением проверяя, кто посмел побеспокоить его царское величие. И медленная, до безобразия язвительная улыбка расплылась на самодовольной роже Летова.

А затем он снова отвернулся, не сказав мне ни слова.

Что ж, зато у меня был целый вагон и маленькая тележка по его грешную, черную, совершенно пропащую душу.

— Скажи-ка мне, Захар, в каком дремучем колхозе ты уродился, м-м?

В ответ тишина.

— С каким быдлом ты рос? Какими отбросами этого общества воспитывался?

И снова ничего. Но за столиком все молчали и ждали моего продолжения. Так почему я должна была отказывать себе и людям в удовольствии пнуть гада под дых?

— И не говори мне, что это не так. Потому что, будь то иначе, ты никогда бы не опустился до того, чтобы разговаривать с девушкой так грубо и неуважительно, как ты только что это сделал.

Но парень молчал, а потому я окончательно психанула:

— Отвечай, бесстыжий ты человек! Ты совсем страх и совесть потерял?

— Тебе бы тоже не мешало кое-что потерять, Стужева. Например, себя и как можно быстрее, — резанул меня по воспаленным нервам голос Летова, и я вся покрылась липкими мурашками, понимая, что действительно ненавижу этого парня до печеночных колик.

Он ведь так и сидел ко мне спиной. Даже не снизошел, чтобы посмотреть мне в глаза. Нет, этот блондинистый шакал развалился на своем стуле, как на троне. И властвовал.

Ну все! Он сам напросился!

Я подалась ближе и уперлась в столешницу, нависая с правой от парня стороны. И уже набрала в рот побольше воздуха, чтобы выдать уничижительную речь в его адрес с отборной дозой словесных помоев, как замерла.

Ибо увидела, как он повел носом в мою сторону, начиная часто-часто дышать. И на его предплечьях все волоски встали дыбом! И ладони со сбитыми костяшками пальцев вдруг

сжались в кулаки. Ясно понятно, что от такой же лютой ненависти, что и я к нему испытывала.

— Тебе не стыдно? — прошипела я.

Лед его глаз напоролся на меня. Изучающе, словно бы я была подопытным кроликом. А затем пухлые губы парня все-таки начали выдавать звуки. И мне они, ой как, не понравились.

— Стужева, скажу один раз и повторять не стану: исчезни. И чтобы я больше никогда не видел на горизонте твою недовольную физиономию. У меня от нее несварение и дикая изжога начинается.

— Ты! — наклонилась я и почти проткнула указательным пальцем глаз этой морде протокольной. И уже было отчитала придурка по новой, но от его очередной реплики слова застряли в горле.

— Считаю до трех, моя хорошая, и мы вернемся к моему обещанию.

Я тут же выпрямилась и задохнулась. А между тем Летов уже начал отсчет.

— Раз!

Скотина.

— Два!

— Ты просто ничтожество, Летов, — выплюнула я, — только с девочками и можешь воевать, да? А как за свои поступки ответить...

— Три!

Он угрожающе поднялся со стула, а я пренебрежительно похлопала его по груди, свято веря в то, что не будет же он прямо здесь, на глазах у всей столовой набрасываться на меня, чтобы надругаться. Да, и давайте честно, у Летова кишка тонка провернуть подобное. И свои бравурные, неосуществимые угрозы пусть засунет себе куда-нибудь в задницу!

Я его не боюсь!

— Что, Захар, правда глаза колет?

Развернулась и пошла прочь, пытаясь сглотнуть мерзкий привкус гари во рту. Но почти тут же остановилась, так как в спину мне полетел заливистый смех парней. Повернулась и увидела, как Летов стоя тянется, через весь стол, дабы выхватить у кого-то из друзей телефон, что, очевидно, фиксировал всю нашу короткую перепалку на видео.

И я не стала теряться. Молниеносно метнулась ближе незаметной тенью и максимально бесшумно убрала стул своего врага чуть в сторону.

Конечно, его пытались предостеречь друзья. Но было уже поздно.

Он завалился назад. А затем феерично шваркнулся на задницу под гогот восторженной толпы и моего веселого смеха!

Бам!

Но долго потешаться мне было не суждено, ибо Летов тут же развернулся в мою сторону, а затем по-звериному кровожадно оскалился. И произнес так устрашающе, что у меня

все внутренности в морские узлы скрутило от...

Да черт его знает чего! Скрутило и все тут!

— Ну все! Молись, Стужа! — зарычал он.

А я на месте подпрыгнула, показала ему смачный фак и, не дожидаясь пока блондинистый слизень соскоблит себя с пола, бросилась со всех ног бежать...

— А ну, стой! — прилетело мне в спину разъярённое рычание Летова, а у меня от его самомнения в его даре убеждения даже глаз задергался.

Ага, щас, только причешусь и ноги побрею!

Попандопуло недоделанный!

Но вместе с этим страхом и неуместным весельем, в меня будто бы канистру адреналина всадили, и жидкое пламя побежало по венам, придавая мне немыслимое ускорение. Вот вам крест: капитан баскетбольной команды не мог догнать пулю по имени Ангелина Стужева.

Да, наступал на пятки и тянул ко мне свои клешни, но пальцы его раз за разом хватали пустоту.

И так было весело.

Так задорно!

Черт возьми! Я улепетывала от этого гада и давилась смехом, пока он пыхтел и матерился, наступая мне на пятки. Кино без немцев!

Хотя...

На очередном повороте он все-таки изловчился и цапнул меня за капюшон худи, потянул на себя, и мы оба, движимые

центробежной силой, поскользнулись на мокром полу, что самозабвенно натирала вонючей тряпкой уборщица.

И полетели вниз, смачно приземляясь на задницы. Вот только я даже боли не почувствовала. Я откатилась подальше от Летова и приставила два пальца над губами, а затем выдала:

— Я поняла, что тебе, Захар, для полноты образа не хватает. Отрастить усики — вот тут и вот так. Чтобы тебя точно никто не путал с паразитом.

— Надеюсь, у тебя уже куплено место на кладбище, юмористка ты хренова, — в одно движение подскочил он на ноги, но я была быстрее.

И вот мы уже оба понеслись на пятой космической по институтским коридорам, едва ли не сшибая бедных и ни в чем ни повинных студентов с ног. И с каждым шагом мой враг был все быстрее. Мои силы и запал стремительно иссякали, а этот белобрысый таракан даже дыхание не сбил.

И теперь уже на его лице с каждой секундой все шире расползалась ликующая улыбка, тогда как я начала захлебываться паникой. А там уже на горизонте алыми всполохами замаячили совсем нерадостные перспективы попасть к нему в руки и быть задушенной!

Ведь дальше, что у нас? Правильно — лестница! Или...

Ох, господи, спасибо! Деканат!

Осталось только за секунду придумать, как в него вписаться, чтобы мне не обломали крылья. И я, образно говоря, вто-

пила педаль тормоза, а там уж даже успела возрадоваться, потому что Летов по инерции пролетел дальше, не в силах предугадать моих телодвижений.

Я уж было схватилась за дверную ручку, а там уже спряталась в тишине и спокойствие обители всех преподавателей, но не успела. Жилистая ладонь накрыла мою и силой одернула ее, а затем руку резко завернули за спину.

А потом и все тело распяли у стены, утрамбовывая меня лицом в деревянные панели, коими были обиты стены нашей альма-матер. И стальное, фонящее яростью тело вписалось в меня, укутывая и душа меня приторно-сладким запахом моего злейшего врага.

Стало дурно. На языке отчетливо проступила горечь. Сердце обезумевшей пташкой рвалось из груди, пытаясь проломить ребра. Но я, вопреки всему и вся, растягивала губы в беззаботной улыбке. И мироточила:

— Смотрю, ты горд собой, Летов? Размазал девочку? Мое браво!

— Так ты поэтому так рвалась со мной поговорить, Стужева? — и чересчур красноречиво толкнулся меня своими бедрами, закусывая губу и бодая меня лбом.

Отчего меня кинуло в неконтролируемый приступ ярости.

— Ты — свинья! — выплюнула я ему прямо в губы. Те самые, что были в преступной близости от моего рта и саркастически улыбались.

Так, будто бы он уже одержал надо мной победу. Так вот,

что я скажу и под запись: хрен ему!

— Эта девушка беременна от тебя, а ты...

— А Я ненавижу лживых блядей, Ангелина, — прошептал он и снова приложился в меня своим пахом.

— Это ты — блядь, Захар!

— Ну, если бы ты хоть немного разжилась мозгом, то дошла бы до простой истины — о таких вещах не рассказывают на большой перемене, на глазах у целой толпы жестоких шакалов. Но нет, ты, не обремененная даже зачатками какого-либо мизерного интеллекта, сложила два плюс два и получила восемь, а потом напялила на себя белое пальто и выставили себя конченой идиоткой.

— И тебя невоспитанным неандертальцем! — рявкнула я.

— А какое тебе до меня вообще дело, Стужева? Раз ты так печешься о сирых и убогих, то какого хрена не побежала подтирать слюни этой пятиминутке, что я поимел и тут же забыл, как прошлогодний снег? Но нет! Ты с чего-то решила, что твои проповеди меня как-то впечатлят? Или...

— Избавь меня от своей кривой логики! — прошипела я, пытаясь вырваться из его железной хватки, но тщетно.

— Или ты, как и каждая вторая в этих стенах банально от меня потекла, м-м?

— Что? — фыркнула я и округлила на него глаза, а затем и вовсе прыснула и захохотала в голос, не в силах постичь абсурдность выдвинутого им предположения.

— Ну давай, отрицай!

— Да ты спятил, Летов! Будь ты даже последним представителем сильного пола на земле, то я бы и тогда не посмотрела в твою сторону без гадливого содрогания! Ясно?

Я он снова впечатался в меня всем телом и прошептал мне на ухо:

— Тогда перестань доказывать мне обратное, моя хорошая. Иначе, уже я наплюю на свою брезгливость и тогда...

И вот на этом самом месте я набрала в легкие побольше воздуха, чтобы выдать зарвавшемуся мудаку все, что я про него думаю, но не успела. Ибо нарисовалась картина маслом: дверь деканата открылась, и в коридор вышла моя подруга — Яна Золотова.

И замерла, хлопая глаза и смотря на нас с изрядной долей праздного любопытства. А затем выдохнула:

— Внезапно...

Блеск, черт побери! Мало того что меня посреди института забодал какой-то бешеный козел, так еще и подруга стала свидетельницей этого гребаного испанского стыда.

Боже, за что? Где я согрешила?

Но я, будучи все еще распятой Летовым, все же нашла в себе силы на кривую улыбку и удобоваримый комментарий для столь нелепой сцены:

— Яна! Ух, вот и ты! А я тут как раз за тобой шла. Без тебя давиться пирожками с капустой, знаешь ли, скучновато.

— Ну, я и вижу, — кивнула Золотова и улыбнулась, будто бы делая какие-то совершенно неправильные для себя выво-

ды.

Да и блондинистая хтонь вдруг отмерла, надевая на лицо привычную маску скучающего прожигателя жизни. Но Захар не отпустил меня, а резко рванул на себя, закидывая свои грабарки мне на плечо, так что у меня банально не хватило времени на то, чтобы ретироваться от него куда подальше. А дальше — больше: Летов вжал меня в свою грудь, да так плотно, что я едва не скончалась от удушья.

И пока я там барахталась, задыхаясь от его запаха и не в силах вымолвить ни слова, Захар уже навешивал на уши моей подруге отборной лапши. И все это пока мы все втроём дружно двигались в сторону столовой.

Ну, как двигались? Кто-то шел по своей воле. А кого-то тащили на буксире, не давая возможности даже пикнуть.

— Да мы тут мирились с Гелей, Яна.

— А, мирились, да?

— Ну да. А чего нам ссориться?

— И как прогресс?

— Ну что не видишь? Она — милашка. Я — тоже ничего. Отличная парочка — гусь и гагарочка, — погладил меня по голове Летов, пока я сама со всей дури щипала его за задницу, — мы уже почти лучшие друзья! Может, даже как-нибудь отпросимся друг к другу с ночевкой, устроим пижамную вечеринку, обожремся мороженым, все дела...

— Супер!

— Не то слово! — зашипел блондин, потому что я все-та-

ки смогла немного извернуться, а затем открыла рот и укусила его за сосок.

Сильно!

— Ох ты ж, блядь! — зашипел Захар, смачно прихватывая меня за шею и наконец-то от себя отдирая.

Наши взгляды с лязгом встретились. Я преисполнилась жаждой убийства. Летов же поднял руку, потрепал меня по щеке, как щенка, фыркнул, а затем наконец-то откланялся, игнорируя мой кровожадный взгляд.

— Ну, раз конфликт исчерпан, пойду я, пожалуй.

Я же осталась стоять на месте и сжимала ладони в кулаки, мысленно посылая на голову своего врага самые страшные кары. А что еще мне оставалось делать? Не вцепляться же в волосы этого придурка на глазах у подруги?

Яна этого все равно не поняла бы. В ее глазах Летов был лучшим другом ее возлюбленного и отличным парнем, которого просто нужно было рассмотреть с правильной стороны. В целом, я была с ней согласна. Если расчленить этого мудака и рассмотреть его изнутри — будет что надо!

Шутю, конечно!

Мне и дела до него нет! Пусть живет, только меня не трогает и девчонок прилюдно не позорит. И неважно, какая там история была у них в прошлом. Будь девочка даже последней, слабой на передок прилипалой — это не повод, чтобы обращаться с ней, как с половой тряпкой.

Воспитанный человек всегда ведет себя прилично, а не

фильтрует свое поведение под собственную кастомизацию общества. Ты либо трусы надень, либо крестик сними.

— Гандон штопаный, — отряхнулась я гадливо, а затем подняла глаза на Яну.

Та вопросительно на меня косилась и улыбалась, но я не планировала посвящать ее в детали нашей с Летовым конфронтации. Положа руку на сердце, я понимала, как бы вся эта мышиная возня могла выглядеть со стороны.

Я вся такая очарованная. Он весь такой с членом наперевес в мою честь.

Чем не затравка для бульварного любовного романа, да? Уф, лучше застрелиться!

— Ничего не хочешь мне рассказать? — все-таки решила уточнить у меня Золотова, но я лишь качнула головой.

— Тут и без уточнений все ясно — Летову срочно требуется лоботомия!

— Ну, ну...

— Ой, все! — я без лишних слов поняла то, куда понесло подругу, и ускорилась по направлению к столовой. Глянула на наручные часы и чертыхнулась. Из-за одного колорадского жука я профукала почти всю большую перемену.

Теперь, если не потороплюсь, станусь голодная и злая! Черт! Куда орать от бешенства?

Благо скоро на горизонте показалось нужное помещение. Яна отлучилась к прилавку, выбрать себе что-то на перекус. Я же, без промедления двинула к столику, где нас терпеливо

дожидалась Полина. Она помахивала мне, давая понять, что разжилась едой по мою душу.

Святой человек!

— Догоняй, — кивнула я Золотовой и поперла вперед.

А там уж рухнула на стул, вгрызлась в заветный пирожок и дала волю своей ярости.

— Какая же мразь, а! — процедила я, злобно поглядывая в сторону Летова.

— Ты о ком? — нахмурилась Полина.

— Да все о нашем Короле института. Слышала, что он сделал на этот раз?

— Разнес в щепки очередное девичье сердце?

— Хуже! Довел девочку до дурки! Но чему я удивляюсь, верно? Летов возомнил себя пупом земли. Привык, что все перед ним преклоняются, боготворят и заглядывают в рот, мечтая получить каплю его внимания. Уф, терпеть его не могу! Так бы и врезала лопатой по его несносной башке!

— Чтобы корону поправить?

— Нет, чтобы все его идеальные зубы повылетали к чертовой бабушке!

И тут над нами послышался голос Яны.

— Геля, ты сейчас вот вообще не права...

Глава 6 – Адвокат Дьявола

Ангелина

— Не права? — сложила я руки на груди и снисходительно улыбнулась Яне Золотовой. — Знаешь, детка, я никогда не интересовалась шашнями Захара. И уж тем более не имела привычки трясти его нижнее белье, разглядывая на нем под микроскопом грязные пятна. Ну, снизошел он до Плаксиной, ну поматросил немного. И бросил, что было вполне себе ожидаемо. И, знаешь, я даже была не удивлена, что после трех лет слепого обожания к этому блондинистому придурку девчонка вдруг решила взять академический отпуск и более не возвращаться в стены нашей альма-матер. Но я ведь даже и подумать не могла, что истинная причина ее отсутствия — это билет в дурку, выданный лично нашим Летовым!

Да, разумеется, я была в курсе всей отвратительной подноготной Маргариты Плаксиной. Именно с ней в прошлом году на зависть всему институту вдруг начал зажигать Великий и Ужасный. И не просто так, на пол карасика, а официально: сделал предложение руки и сердца, задарил деву дорогими подарками и вообще смотрел на нее с придыханием, а затем обрюхатил.

О том, что Плаксина — конченая тварь, знали только я, ну и еще, быть может, несколько человек в институте. А потом

она вдруг взяла и исчезла с радаров.

Я и думать о ней забыла.

А сегодня подслушала разговор двух сплетниц в метро и сложила очевидное с невероятным.

— Стужа, — уселась напротив подруга и внимательно на меня посмотрела, — не была Плакса беременна от Летова.

— Да мне насрать, — закатила я глаза.

— Серьезно. Вот ты тогда меня слушать не захотела. И сейчас сделала неверные выводы.

— Ну, давай, скажи, что не по его милости Маргарита загремела в психушку.

— По его, — кивнула Яна.

— Вот видишь, — пожала я плечами и снова вгрызлась в свой пирожок, обильно и шумно запивая его томатным соком.

— Она залетела от Карпова, — рубанула Золотова, а у меня чуть носом не пошло только что выпитое.

— Да ладно? — охнула Полина.

— У него же жена и трое детей, — скривилась я.

— Может, поэтому они и притянулись друг к другу, — хмыкнула блондинка и затихла, а я пожевала губу, а затем глянула на нее с прищуром.

— Ладно, выкладывай свой занимательный рассказ.

— Интересно все же стало? — подмигнула мне Яна, но я только скривилась.

— Нет. Но я вижу, что тебя просто распирает, так ты хо-

чешь всем этим поделиться.

— Да не особо, — сложила на груди руки Золотова.

— Хэй! — возмутилась Полина. — Как заинтересовать идиота? Завтра расскажу! Да?

И мы все вместе захихикали, понимающе переглядываясь. Да и чего греха таить? У меня в груди тоже заворочалось любопытство. Не столько из-за Летова, столько из-за Плаксиной. Девчонка она была явно прибабахнутая и могла отчебучить все что угодно.

— Пли, — шутливо стукнула я в плечо Яну, а та кивнула. И начала говорить.

— В общем, как вы уже знаете, Маргарита Плаксина не просто любила нашего Захара. Она была капитально на нем повернута. Но парень прекрасно понимал, чем чревато даже простое поощрение ее интереса, а потому держался от нее подальше. И все было бы прекрасно, на одной вписке эта девчонка его пьяного все-таки развела на секс.

— Пф-ф-ф, — изобразила я рвотный рефлекс.

— Погоди! — подняла вверх указательный палец Яна, а затем продолжила рассказ. — Спустя время Рита побежала к Захару и радостно поведала о том, что скоро он станет папой. Летов пошел в отказ, требуя доказательств. Но Плаксина зашла с тыла: очаровала мать парня и поведала ей о своей тонкой душевной организации. Мол, анализы сдать не могу, от вида крови падаю в обморок и все в таком духе.

— Как можно верить только на слово? — фыркнула я.

— Репутация!

— Ой, да я тебя умоляю, Яна!

— За ней следили. Телефон слушали. Ничего.

— Блин, — закусила я подушечку большого пальца. — А дальше что?

— А дальше мой парень Тимофей в один поистине прекрасный день обнаружил, что у Плаксиной есть второй телефон. И Летов начал рыть.

— И нарыл?

— Да, — кивнула блондинка. — Тут и выяснились причины неуловимости Риты. Она встречалась со своим любовником здесь, в стенах этого института, с преподавателем по статистике. В его лаборантской. Благодаря прослушке Захар узнал, что Плаксина была в курсе, от кого именно понесла. И Карпов тоже! Он в последнюю их встречу требовал аборта, ибо рисковал потерять свое место, жену и детей. Отчитывал ее за то, что она ему соврала, что предохраняется. А та заявила, что специально все это сделала, чтобы получить шанс на любовь Летова.

— И как бы она скрывала правду? Ребенок бы родился и...

— Не родился бы. Она изначально не планировала его рожать, о чем и сказала Карпову. Мол, на следующий же день после свадьбы у нее «внезапно» случится выкидыш. А там уж у Захара не останется другого выбора, кроме как бесконечно утешать свою новоиспеченную супругу.

— Она реально с приветом.

— Но и это не все, как вы понимаете, — хмыкнула Золотова. — Дальше — больше. Ибо после всего этого разговора Карпов и Плаксина еще и знатно потрахались под запись.

— Что? — обалдело захлопала я глазами.

— Что слышала, — пожала плечами Яна.

— Я худею...

— Все худели, Геля! Но ты понимаешь, что Летова хотели поиметь во все щели, как лоха?

— Теперь понимаю, — закусила я губу, — но...

— Никаких, но, — жестко припечатала меня Золотова, — Плаксина все это заслужила. За то, что хотела сделать с Захаром. И за то, что сотворила со мной и Тимом.

— Блин...

— И да. Летов собрал в доме всех родственников. Своих и Риты тоже под видом желания сделать предложение руки и сердца на официальном уровне. А затем врубил хардкор и дал всем послушать, каким прекрасным персонажем является его невеста.

— Кошмар, — зажала я рот ладонью.

— Но и после этого Рита решила не сдаваться. Она записала видеосообщение и разослала его всем родственникам, где говорила, что все против нее было сфабриковано, а затем на камеру наглоталась таблеток, дабы вызвать у всех острый приступ жалости. Но не вышло. Ребенка она потеряла. А сама за попытку свести счеты с жизнью загремела в дурку, где

ей поставили несколько умопомрачительных диагнозов.

На секунду Яна замолчала, а затем кивнула в сторону Летова.

— Так что он, этот парень, кто угодно, но только не мразь, Геля.

Я же лишь хмыкнула, отвернулась и осталась при своем мнении, делая для себя пометку: один хороший поступок не умаляет бесконечный список плохих.

Ненавижу! И точка.

Глава 7 – Все началось с ненависти

Ангелина

А с чего все началось?

Полтора года тому назад из-за моего биологического отца мы с мамой сорвались с насиженного места в Белгороде и переехали в Москву. И вот я посредине второго курса оказалась в новом институте и новой группе, в которой, на мое несчастье, учился и Захар Летов.

Ненависть к нему вспыхнула сразу же и ярким пламенем.

Любитель белых одежд, этот ангелоподобный херувим, восседал в самом центре аудитории, как королевич. И, как говорится, хрен бы с ним, да? Но ведь он свою уродливую, смердящую гнилью сущность показал сразу же и не отходя от кассы.

— Внимание! В вашей группе вновь пополнение. Знакомьтесь — это Ангелина Стужева, и теперь она будет учиться вместе с вами, — заставила обратить на меня внимание преподавательница.

И преуспела.

В меня тут же вонзились стрелы десятков незнакомых глаз. Равнодушные в большинстве своем. Но товарищ Царь молчать не стал. Он скривился, будто бы ему под нос сунули кусок тухлого мяса, а затем брезгливо поджал губы, передергивая плечами.

И выдал:

— Хера себе ангелочек.

Раболепная стая услужливых гиен тут же визгливо захихикали, посчитав данную мне характеристику довольно забавной. С его легкой подачи и понеслась душа в рай. Но свернуть мое своеобразное линчевание я была не в силах. Преподаватель требовала, чтобы я позорилась дальше и рассказала немного о себе людям, которые уже откровенно за мой счет потешались.

Разглядывали, как обезьяну в клетке.

И ржали. И улюлюкали.

А затем вовсе начали, не стесняясь, принимать ставки на то, как скоро я потеряю голову от любви к Летову. Как быстро я начну капать слюной при его появлении. Насколько стремительно пробью дно и стану таскаться за ним, умоляя подарить мне хотя бы толику его внимания.

Я же вообще понять не могла, что все так ссутся кипятком от этого Летова. Ну высокий. Ну фигура вроде бы ничего.

Но в остальном? Приторная сладость его лица довела меня до тошноты за считаные секунды. Вот я смотрела на него, на эти пухлые губы и неестественно голубые глаза, и прямо липкие мурашки по телу бежали. Вот же как бывает, да? Еще человека толком не знаешь, а он уже тебя раздражает до такой степени, что не передать словами.

Да чтобы я и вот в подобное прилизанное недоразумение втрескалась? Пф-ф-ф! Да скорее рак на горе свистнет и на-

ступит второе пришествие. И мне было жаль тех дурочек, кто поставил на то, что со мной подобный номер прокатит.

Но тогда, в нашу первую встречу мы оба были друг от друга не в восторге. Переглянулись и синхронно закатили глаза. А дальше — больше...

И ненависть моя только крепла и разрасталась.

Я практически видела, как царапала небо та сияющая корона, которую водрузил себе на голову Захар Летов. Как неуважительно он разговаривал с девушками. Как именно он выходил на их охоту.

О, это был целый ритуал!

Король Института сам выбирал себе жертву. И никогда иначе! Девочки, которые смело себя предлагали, сразу списывались в утиль, как второсортное дерьмо. «Избранную» же он манил, и она всегда радостно и виляя хвостиком, бежала за ним. Еще раз и прописью: всегда.

Это было отвратительно во всех смыслах. Но когда я увидела все это собственными глазами впервые, то поняла, что моя ненависть к блондинистому упырю вышла на новый уровень.

То случилось на большой перемене. Летов просто присел и начал говорить с очаровательной первокурсницей. В тот момент он кардинально преобразился: с его лица сошла маска, словно бы приколоченная на суперклей, язвительная и полная чванливого превосходства. Захар лучезарно улыбался, нежно заправлял девушке выбившиеся прядки волос за

ухо. Флиртовал.

И смотрел так...

Черт возьми, Летов смотрел на эту несчастную так, будто бы он на самом деле был в нее по уши влюбленным. Будто бы она важна ему и нужна! Будто бы он уже размышляет над тем, какие имена они дадут своим будущим детям.

Гнусь!

Думается мне, он трахнул ее в этот же день, потому что на следующий она порхала по институту, словно бабочка. Млела. Краснела, когда Летов при куче свидетелей поцеловал ее в шумном коридоре, подержал за руку и пригласил провести вместе все выходные, выбравшись на природу.

А уже в понедельник сделал поистине скучающий вид, когда бедняжка со слезами на глазах просила его хотя бы объяснить, что она сделала не так. И он объяснил:

— Ты мне просто надоела. Еще вопросы, моя хорошая?

Сука, тварь!

Как же мне хотелось тогда выцарапать ему глаза! До ломоты в костях! Как сдержалась? Чудом не иначе. И нет, я больше не стеснялась при каждом удобном случае показать, насколько мне противен этот мерзопакостный персонаж.

Я открывала рот и четко доносила свою мысль до абонента. Жаль только, что до этого лица, не обезображенного интеллектом, туго доходило реальное положение дел. Дерьмо все еще думало, что оно конфетка...

— Если бы взглядом можно было бы убивать, то Летов

был уже трупом, — выдернула меня из мыслей Яна Золотова. А я вздрогнула и недоуменно на нее посмотрела, а затем отмахнулась и резко перевела тему:

— Слушайте, девчонки, есть дело на миллион. Поможете?

— Давай..., — синхронно кивнули мои подруги, а я улыбнулась.

Глава 8 – Барбаросса отдыхает

Ангелина

Так, с чего бы начать? Я прилично задумалась, а затем отвлеклась на Летова, на коленях у которого уже сидела какая-то длинноногая блондинка. И эта дурочка светилась, словно начищенный медяк, и восторженно улыбалась, пока правая рука Короля института беспрепятственно нырнула под ее футболку и самозабвенно наминала ей грудь.

На глазах у всей столовой!

Фу, какое гадство!

— Геля, прием! Как слышно? Что там у тебя за дело на миллион? — щелкнула перед моим лицом пальцами Яна, а я пожала плечами и сосредоточилась на себе, а не на куске засохшего дерьма, что звался Захаром Летовым.

Пусть куражится, как хочет. Он для меня ничего не значит — пустое место!

— Итак, девочки. Мне срочно требуется прикрытие.

— Ты решила завалить Летова в темном переулке? — усмехнулась Полина, а я отмахнулась, считая, что об этой особи мужского пола в последнее время слишком много разговоров.

Надоело!

— Да срать мне на этого придурка. Он — не ясное солнышко, и мой мир вращается не вокруг него, — брезгливо

стряхнула я с плеч невидимые пылинки.

— А вокруг кого? — подперла кулачком подбородок Яна.

— Ох, я конченая эгоистка, девочки, — усмехнулась я, а затем мы все вместе весело рассмеялись.

— Ладно, выкладывай уже, — шутливо дуксанула меня в плечо Полина.

— Короче, вы же знаете про то, что меня воспитывает не мать, а тетка, да?

— И? — синхронно потянули девчонки.

— Отец объявился. И хочет возобновить со мной общение.

Полинка тут же насупилась и недовольно поджала губы, откидываясь на спинку своего стула и складывая руки на груди. Прищурилась на один глаз, но ничего преждевременно говорить не стала.

— Дай угадаю? Твоя тетя против такого расклада, да? — потянула Яна.

— Категорически, — кивнула я.

— Чтобы ты не задумала, Стужева, — даже не дав мне высказаться, сделала заключение Полина, — я тебе не помощница. Твой папаша бросил твою мать. Я всей кухни не знаю, но мне кажется, что это капитальное предательство давать ему второй шанс.

— Почему? — насупилась я.

— Потому что тебе и твоей покойной маме он шанса не дал, а ушился жить свою идеальную жизнь подальше от вас.

Поэтому — нет.

— Ты не понимаешь, — тяжело вздохнула я.

— И понимать не собираюсь!

— Но...

Договорить я не успела, потому что Полине неожиданно позвонила мама и она, извинившись перед нами, отошла в сторону, чтобы поговорить с ней. А затем и вовсе неопределённо скривилась, схватила свою сумку и покинула столовую, предупреждая нас, что сегодня ее на парах уже не будет.

Ее родители разводились. Громко. Грязно. Больно.

А мне стало жаль, потому что именно на помощь этой девушки я надеялась в своей ситуации. Хотя я и понимала, что ей сейчас не до меня. Но да, я откровенно не ожидала, что подруга встанет в позу и вообще откажется меня слушать.

— Отец Поли изменил матери и ушел к другой женщине, Геля, — пожала плечами Яна. — Что ты от нее хотела? Она твоего рвения не поймет.

— А ты? — закусила я нижнюю губу.

— Смотря какой контекст, я же не в курсе всей истории.

— Честно говоря, я особо тоже, так как знаю историю только со слов тети. Но так получается, что отец бросил маму, когда я была еще младенцем, и ушел. Но, видишь ли, он уже давно пытается исправить свою ошибку. Просто тетя не дает ему шанса на реабилитацию, пренебрегая моими желаниями. Одно дело — прятать от него ребенка, так как он даже не записан отцом в свидетельстве о моем рождении.

И совсем другое сейчас, когда я уже взрослая и имею право сама решать подобные вопросы.

— Так в чем проблема? Пусть приезжает сюда, в Москву и реабилитируется в твоих глазах столько, сколько нужно.

— Вот и тетя также говорит, — стиснула я пальцы, тяжело выдыхая.

— И она абсолютно права.

— Но я хотела бы познакомиться со всей его семьей. Он предлагает купить мне билет до Ростова, где сейчас живет.

— Ну так и лети к нему. В чем вопрос? Ты же сама сказала, что уже имеешь право решать все за себя сама.

— Я не хочу обидеть тетку, — честно призналась я. — Она просто не поймет меня.

— Пф-ф-ф, — закатила глаза Яна, — и что ты от меня хочешь?

— Я же говорила: прикрытия. Мы могли бы сказать тёте, что я буду с тобой все выходные. А я пока на это время слетаю к отцу и приму решение, давать ему второй шанс или нет. Но мне кажется, что все выгорит. Яна, ты ведь как никто должна меня понять, — схватила я ее за руку, — тяжело жить в мире, в котором у тебя нет одного из родителей.

Золотова тут же отвела глаза и шумно вздохнула. Я знала, что ее мама умерла от рака. Как и моя.

— А у меня, кроме тети, никого нет. Понимаешь? Ни матери, ни отца. А мне так хочется, чтобы кто-то был рядом. Подставил свое крепкое, мужское плечо и сказал, что у меня

все получится. Что я сильная. Пусть даже и вот так, когда уже прошло двадцать лет.

С ресниц у меня все-таки сорвалась слезинка и, прочертив влажный след по щеке, упала на пол и разбилась. А я с надеждой смотрела на Яну, мысленно умоляя ее не бросать меня. Помочь!

— Я очень хорошо отношусь к Регине, Геля.

— Я знаю.

— И ненавижу ложь!

— Но..., — заломила я руки.

— Она ни к чему хорошему не приводит, понимаешь? Все беды из-за вранья! И недосказанности. Тебе нужно самой решить этот вопрос. И честно! И помогать в этом должен тебе твой так называемый родитель, раз уж он решил, что намеревается наконец-то стать тебе настоящим отцом!

— Регина никогда его не простит. И меня предателем считать будет, — устало потерла я лицо ладонями и поняла, что Яна мне тоже не помощник.

Я одна. Как всегда...

Но все же решила последний раз побороться за себя.

— Пожалуйста, помоги мне! Прикрой меня перед теткой на одни выходные, и я, клянусь, что сделаю для тебя все! Все, что захочешь!

— Ты спятила? — рассмеялась Золотова, но я качнула головой.

— Я серьезно! Проси, что угодно, и я все сделаю.

— Все? — прищурилась Яна.

— Да...

Ответить подруга не успела, так как прозвенел звонок, и мы побежали на пару. Но посреди нудной лекции по мировой экономике Золотова, до этого пристально зачем-то глядевшая на Летова, вдруг хмыкнула, но все же толкнула меня в бок и прошептала:

— Хорошо, я согласна. Но свое желание я придумаю позже. Идет?

— Идет! — просияла я.

Ура!

Официально заявляю: я обожаю Яну Золотову! Она — ангел воплоти!

И это как минимум.

— Я тогда отпишусь отцу, что уже в эти выходные смогу к нему прилететь! — на небывалом энтузиазме выдохнула я и вспотевшими ладошками схватилась за телефон.

— Тпру! — нахмурилась Золотова и осадила меня в два счета.

— Что такое? — прищурилась я на один глаз. — Ты же сама только что сказала, что поможешь мне.

— Я знаю, что сказала, — кивнула подруга, — но просто так перед Региной подставляться не буду.

— И что же ты тогда предлагаешь? — закусила я кончик языка, а затем и вовсе его высунула, и мстительно скривилась, потому что Летов зыркнул через плечо в нашу сторону,

окинул меня взглядом, полным тотального неприятия, а затем отвернулся, брезгливо поджимая губы.

По-детски я поступила, знаю!

Но, а чего он вылупился? Да и не факи же мне ему раздавать посреди занятия. Еще мне проблем с учебой не хватало из-за этого придурка.

— Все нужно сделать по уму, — прошептала Золотова, чуть прикрываясь волосами, чтобы преподаватель не заметил нашей болтовни.

— Не томи, — сложила я руки на груди в умоляющем жесте.

— Сначала нужно завоевать доверие Регины.

— Ты уже завоевала его, Яна. После вечеринки в доме твоего парня, — горячо возразила я.

— Это не то, — осадила меня подруга. — Твоя тетка далеко не дура и легко сложит дважды два. Сама посуди: ты буквально только что болтала ей о том, что начала общаться с отцом, а на следующий день радостно сообщаешь, что проведешь выходные со мной? Да она ни в жизнь нам не поверит и будет пасти тебя с биноклем в кустах.

— Верно, — признала я правоту ее слов. — И что же делать?

— Ну, как по мне, — пожевала губу Яна, а затем продолжила, — тебе нужно время, чтобы усыпить ее бдительность. Во-первых, перестать требовать от нее принять твое общение с отцом, ибо это невозможно. Ты сама так сказала. А,

во-вторых, неплохо было бы и вовсе «прозреть» на его счет. Мол, так и так, я все поняла, мой папаша — скотина недобитая и не стоит того, чтобы я даже здоровалась с ним при встрече.

— Блин, я не хочу ей так врать. Я очень люблю Регину и глубоко ее уважаю.

— Ну, — пожала плечами Золотова, — тогда тебе придётся сделать выбор или сообщить тетке, что ты уже взрослая, самостоятельная и дальше по списку.

Я насупилась, обдумывая в голове все за и против. А затем решительно кивнула подруге.

— Буду врать, — и виновато прикрыла лицо ладошками, с отчаянием вздыхая.

— Ничего, — дотронулась до моего плеча Яна, пытаясь на берегу меня утешить, — будем надеяться, что твой папаня действительно — настоящий урод, как об этом думает Регина, да и, честно сказать, я тоже. Сгоняешь к нему разок, убедишься в его подлости, а затем вернешься, и все встанет на свои места. И вы с тетей будете на одной волне.

— А если он сам ей скажет, что я к нему ездила? — всполошилась я внезапно.

— Ты же сама говорила, что Регина оборвала с ним все связи.

— Ну да...

— Вот и не переживай. Все будет путем.

— Слушай, а если вы ошибаетесь, и отец у меня действи-

тельно решил исправиться? И за первой встречей последует вторая, м-м?

— Даже не знаю, — закатила глаза Золотова, — что-то верится с трудом.

— Ну а все же?

— Можешь, на меня положиться, — заговорщически подмигнула мне подруга, — я тебе помогу, но ты будешь передо мной в неоплатном долгу.

— Обещаю!

— Правда...

— Что? — подалась я к ней ближе.

— Не верю я до конца, что ты выполнишь вот прям все-все, что я пожелаю.

— Спорим, что выполню? — протянула я ей руку, прищуриваясь и чувствуя внутри себя абсолютную уверенность во всем.

— Хорошо, — кивнула Золотова, улыбнулась и ответила мне рукопожатием, — спорим.

— На что спорим? — облизнулась я.

— Если ты откажешься, то я обо всем этом твоем обмане пойду и с чистой совестью расскажу Регине. Пусть знает, какую отвратительную лживую девчонку она воспитала, — с елейной улыбкой выдала подруга, а я покачала головой, прыснула в кулак, но все же разбила наши руки.

— Идет!

И развалилась на своем стуле, полностью довольная тем,

что мой сложный вопрос так легко разрешился. Да и что могла у меня такого попросить Яна Золотова? Наверное, скажет мне печь в ее честь бенто-тортики целый год к ряду. Ну, или возжелает, чтобы я связала свитер под цвет ее глаз. На худой конец попросит несколько уроков игры на бильярде.

Вот и все, чем я могла бы ей сгодиться. Более каких-то исключительных навыков я за спиной не имела. Да и не подлая она, чтобы, к примеру, затребовать с меня раболепно прислуживать ей.

Так что, нет повода для беспокойства.

Поехали! Я готова!

— И с чего начнем? — спросила я, когда пара наконец-то закончилась и прозвенел звонок.

— В эти выходные мы с Тимом едем в Завидово. Там есть стрельбище, он хочет попалить по тарелкам, а мы пока с тобой сходим в СПА или баньку. Ну или прокатимся по экскурсиям.

— А я...?

— Что?

— Не буду вам там мешать?

— Пф-ф-ф, Стужева, ну ты даешь! Тим тебя обожает, я тоже, да и домик у нас арендован большой, так что не переживай.

— А...?

— Ну чего еще?

— Надеюсь, Летов туда не приедет?

— Надейся..., — с издевательским смехом со спины толкнул меня в плечо блондинистый упырь, а затем пошагал вперед. Я же осталась обтекать и сжимать руки в кулаки, ибо...

Ненавидела его адски!

— А я думала тебе плевать на него, — усмехнулась Яна, наблюдая за этой сценой.

— Конечно, мне плевать! — уверенно заявила я.

— Тогда решено — едем в Завидово вместе.

Блин!

Мне кажется, или запахло жареным?

Визуализация Стужа

Ангелина Стужева:

Визуализация Лето

Захар Летов:

Глава 9 – К ноге!

Ангелина

— Куда вы собрались? — прищурилась мама и недоверчиво скривилась.

— В Завидово. Это в Тверской области на берегу Волги, тут недалеко от Москвы. Всего сто тридцать километров, а это час с небольшим на электричке, — улыбнулась я, уплетая за обе щеки обалденно вкусный домашний борщ.

С салом.

С чесночком, м-м! Только Регина умела варить вот такой, когда от одного запаха текли слюнки. Святая женщина!

— И кто еще с вами едет?

— Никто, — отрицательно дернула я подбородком.

— И зачем молодой влюбленной паре тащить за собой в такое романтическое место на берегу реки «прицеп» в виде тебя, Ангелина?

— Что? — охнула я.

— Что-то ты темнишь, дочка, — с прищуром покачала головой Регина, а я закатила глаза, признавая для себя тот факт, что Яна Золотова была абсолютно права, когда говорила, что мама мне не поверит.

— Фотоотчет никто не отменял, — пожала я плечами, а затем язвительно добавила, — раз уж ты мне до такой степени не доверяешь.

— Ну, не то, чтобы не доверяю. Просто не хочу, чтобы ты совершила такую же ошибку, как и твоя мама.

— И какую же?

— Очаровалась твоим отцом, — а затем с гневом добавила, — ты себе даже не представляешь, как мастерски этот человек умеет ссать в уши.

— Да пошел он, — фыркнула я.

Регина затихла и с подозрением на меня покосилась, но я продолжала молча уплетать борщ за обе щеки, пока не закончила с этим расчудесным делом и не растеклась на обитом велюром кухонном диванчике сытой лужицей.

Ну, кайф!

— С чем связаны твои мысленные метаморфозы? — не выдержала мама и все же принялась за расспросы. А я улыбнулась, радуясь, что смогу выговориться по теме и обеспечить тем самым себе алиби на будущее.

— Знаешь, у меня получилось на все посмотреть под другим углом.

— И каким же? — усмехнулась Регина так как, видно, что не доверяла ни единому моему слову, но я была настроена решительно, а потому далась в болтовню.

— Помнишь мою подругу Полину?

— Ну.

— У нее сейчас родители в стадии громкого развода. Папаша ее поймался на измене, вроде как не простой, а с подвыпердвертом. У него на стороне даже не обычная любовни-

ца нашлась, а фактически вторая семья с ребенком, которому всего два годика.

— О господи, — закусила нижнюю губу мама, а я продолжила.

— Да, такое себе. Но самое обидное для Полины было то, что ее отец вроде бы как даже не сожалел, что правда вскрылась, а выдохнул. Сказал, что жил с женой только ради дочери, которая получилась незапланированно и спонтанно еще в их институтские годы, а та, вторая женщина — любовь всей его жизни, и теперь они наконец-то будут вместе.

— Предал сразу двоих. Козел!

— Вот! — подняла я палец вверх. — Но благодаря этой ситуации я смогла трезво посмотреть на свою собственную и понять, что мой биологический отец ничем не лучше. Он точно так же бросил меня и маму. Расставил приоритеты так, что нам не нашлось места в его идеальной жизни.

— Хм...

— Да, — кивнула я, — а еще я осознала, что это не я к нему должна ездить и пытаться его узнать, понять и простить. А это он обязан, если уж ему так приспичило, лететь сюда, в Москву и бороться за мое прощение.

— Что ж, похвально. Но я тебе об этом уже говорила.

— Золотова мозги прочистила, — улыбнулась я.

— О, мне эта девочка очень нравится, Ангелина.

— Она — лучшая! — не могла не согласиться я, хотя и скрестила под столом пальцы рук и даже ног, стараясь не

краснеть от той лжи, что я нагородила.

— Я рада, что она вернулась в Москву и вы опять сдружились.

— Я тоже.

— Что ж, — выдохнула Регина, а затем подмигнула мне, — ну, раз мы выяснили, что друзья у тебя приличные ребята, то, наверное, нет повода не позволять тебе ехать с ними за город.

— Ура! — просияла я, вскинула руки к потолку и дурашливо прокричала. — Добби свободен!

— Ой, дитё..., — покачала мама головой, а я рассмеялась.

— Тогда побегу собираться, — отдала я под козырек, — мы планируем выехать сразу же после пар в субботу, чтобы не терять времени и не встать в вечерние пробки.

— Удачи, детка!

— Спасибо, конечно, но мне она не нужна, — рассмеялась я, даже не подозревая, насколько неправа на этот счет.

А ведь ничего не предвещало беды...

Нет, я, разумеется, знала, что одна конкретная подретузная вонь по имени Захар Летов сумела бы мне испортить все на свете. Но до конца верила, что в его тупой башке все же присутствует хотя бы одна захудалая извилина. Да, возможно, пунктиром. И да, возможно, от уха до уха, чтобы эти несчастные локаторы никуда не отвалились.

Но чтобы совсем дурак...

Как бы то ни было, остаток недели прошел почти идеаль-

но. Я жила своей жизнью, с упоением ждала выходных и переписывалась с отцом, который был очень рад тому, что я все же нашла возможность полететь к нему на следующих выходных.

И уже взял мне билеты!

Короче, я порхала. И даже не обращала внимания на злобные взгляды, которые в мою сторону бросал один небезызвестный блондинистый тампон.

Мне было плевать на него совершенно!

А там уж и день Х настал...

С утра за мной заехала Яна, чтобы я сразу закинула в ее машину сумку с вещами. Она же тепло обняла Регину и клятвенно заверила ее, что я вернусь к ней в целости и сохранности. А еще что она обязательно проследит, чтобы я регулярно слала ей фотоотчет.

Прямо курица-наседка.

Ну и, конечно же, подруга закинула удочку для дела, рассказав историю, что она собирается слетать в Питер, и была рада, если бы я составила ей компанию. И Регина клюнула, очаровавшись ангельской внешностью этой девушки.

Я же, будучи на улице, радостно подпрыгнула и тепло обняла Золотову, выдавая ей базу:

— Обожаю тебя!

— Погоди еще, — рассмеялась она, поправляя густые, длинные, белокурые волосы, — я еще своего желания не загадала.

— Моего мнения о тебе уже ничего не изменит, — лопотала я, счастливая до невозможности, а затем запрыгнула в ее автомобиль и растворилась в прелести момента.

А там уж и субботние пары пролетели, словно одно мгновение. И вот уже мы все втроем: я, Яна Золотова и ее парень Тимофей Исхаков, неслись прочь из удушливой Москвы. Врубили на полную катушку музыку и подпевали вечным хитам.

Смеялись.

Травили какие-то байки из склепа.

А еще я с теплотой в душе смотрела на этих двоих ребят и думала, как же это здорово, что они вместе. Они влюбились друг в друга, но завистники разлучили их на целый год, заставляя ненавидеть и страдать. Но они справились и теперь на полной скорости неслись в свое светлое, счастливое будущее.

И я была рада быть их другом.

— Приехали, — отрапортовал Тим, заворачивая к загородному комплексу, где мы должны были прекрасно провести время.

— Ура! — запищали мы с Яной в унисон.

Дальше — больше. И вот мы уже разместились в домике, а затем собрались на заднем дворе, чтобы пообедать собственноручно пожаренным шашлыком. Тим завозился с мангалом. Яна нанизывала мясо на шампур, а я резала овощи.

А потом вдруг раз — и случилась хоба.

Исхакову кто-то позвонил, и он отвлекся, а затем сообщил нам, что отойдёт всего на пяток минут. Вот только через положенное время он вернулся не один, а в компании писюкатого злыдня, коего я ненавидела всей душой.

Наверное, при виде его у меня лицо преобразилось жаждой убийства. А нож в своей руке я сжала до побелевших костяшек пальцев.

Вот только Захару Летову было до звезды на мой шок, который абсолютно точно тоже был в шоке.

— Ты же не планировал ехать с нами, — шутливо толкнул его в плечо кулаком Тим.

А блондин лишь весело рассмеялся, подмигнул мне, а затем форменно огорошил:

— Да, не планировал. Но потом передумал, когда узнал, что Геля очень хотела меня видеть.

Козел!

Глава 10 – Смешно дураку

Захар

— Вот же сука!

Я протяжно простонал и зажмурился, чувствуя, как от дичайшего возбуждения ломит пах. До боли, до рези в кишках и до красных всполохов перед глазами. Но чертов член все равно гордо стоял по стойке смирно, до пупа и не планировал падать.

Причина?

Потому что это случилось снова, мать ее ети! Опять!

С прискорбием и величайшим стыдом хотел бы признаться: мне вновь приснилась Ангелина Стужева. Она, как и в то памятное утро, сидела на мне, в чем мать родила и трясла перед глазами своими обалденными сиськами, а я зачем-то считал родинки на ее лице.

Их было восемь.

Маленькие и едва заметные, но я ненавидел их все точно так же, как и ее саму. За всю мою жизнь я не встречал никого более раздражающего, чем эта девчонка. И у нас с ней эта ненависть с первого взгляда была абсолютна взаимна.

Но черт возьми!

Мой член до сих пор не мог угомониться и мечтал оказаться в этой сумасшедшей стерве настолько глубоко, насколько это в принципе было возможно. Вот и сейчас он

разочарованно дернулся, понимая, что сладкого не видать и самое идеальное тело в мире так и останется для него в недосягаемости.

Блядь!

В моменте скис. Но...

Повернул голову и тут же довольно закатил глаза.

Ай да я!

На соседней подушке разметалась спящая блондинка, которую я вчера вечером снял в тренажерном зале. У нее была зачетная задница и шикарная грудь. А потому уже спустя пару часов эта девица отсасывала мне на моем диване под какой-то тупой фильм про зомбаков.

Минет был на троечку. Но трахалась она по красоте, и я решил, что мое утро определенно должно начаться не с кофе. А с жаркого секса.

Улыбнулся сам себе, радуясь, какой я хозяйственный. И потянул руки к тепленькому телу, с конкретным намерением — грешить по полной.

А она и не сопротивлялась. Что-то мурлыкала довольно, пока я распинал ее на спине и разводил ноги в стороны. Вот только белокурая грива девчонки отчего-то страсть как меня бесила, и я накинул на ее голову простыню.

Да, так определенно лучше!

А затем на полной скорости залетел в рай. И жестко замолотил членом, буквально вколачиваясь в податливую, влажную и горячую плоть. Снова и снова.

Жестче. Глубже. Жарче!

Завороженно смотрел на то, как раскачиваются вверх и вниз два набухших полушария с нежно-розовыми сосками. И балдел!

До тех пор, пока не представил, что я трахал не какую-то там блондинку, имя которой даже не помнил, а гребаную Стужу. Тут же зарычал протестующе! А затем влепил себе метафизическую оплеуху, дабы привести себя хоть немного в чувства.

Да я ополоумел, не иначе!

Каков итог?

Кончил: все равно, что высморкался. Не секс, а утренняя зарядка. И все из-за гребаной одногруппницы, образ которой до сих пор преследовал меня в кошмарных снах и не давал покоя.

Засада...

Надо ли говорить, что, с таким утром, чудесный, субботний день был испорчен подчистую? Прямо вот на корню! И было бы из-за кого, да? Так нет же, из-за недоразумения с уродливыми дредами на голове и в очках с роговой оправой. Еще и эти бесячие до невменоза глаза...

Именно они, один голубой и второй карий, при нашей первой встрече смотрели на меня как на кусок высокорангового дерьма. А я глядел на эту пигалицу в безобразном балахоне и видел насквозь — мышь, которая возомнила себя бессмертным ястребом.

Так и жили, пока я, на свою беду, не увидел ее сиськи.

Ой, все...

По пути на пары завез ту самую блонду домой, проигнорировав ее надутые губы из-за того, что я не попросил у нее номер телефона для связи. А мне и насрать как бы. Да и она сама была бы не в восторге, если бы узнала, что пока я самозабвенно трахал ее тело, то представлял на ее месте гребаную Ангелину Стужеву с безобразными дредами на голове.

К черту!

Высадил девицу у подъезда и усвистел. А потом ничего не мог с собой поделать и весь учебный день злобно таращился на ненавистную одногруппницу, силясь понять, отчего мой член так неистово прется по этой убогой персоне. Без слез ведь не взглянешь! На голове — гнездо. На лице — безобразные окуляры. На губах — вечно недовольная всем и вся ухмылка, такая пиздапротивная, что у меня стойко на ее фоне развивалась изжога.

А-а-а!!!

Ладно. Ладно...

Это просто временное помешательство. Пройдет...

После пар прыгнул в тачку и погнал за город к предкам. Дорогие мама и папа планировали сегодня устроить посиделки на природе с шашлыками, должны были прикатить кто-то из родственников. Что-то вроде семейного тимбилдинга. Нужное, в общем-то, дело в нашей тотальной занятости.

Да и я был не против чуть отвлечься.

Погода для второй половины сентября стояла просто волшебная. Солнце светило на максимум, и термометр показывал рекордные двадцать шесть градусов со знаком плюс. В воздухе летала паутина и пахло кострами.

Кумаря в пробке на выезде из города, я капитально так пригрелся, прикрыл веки и представил себе, как сейчас доеду до загородной резиденции Летовых, а там расчудесно растянусь на гамаке с бокалом мохито в руках. И, быть может, подремлю часок.

Кайф!

Но не тут-то было.

Не успел я растечься лужей от собственных блаженных мыслей, как вздрогнул. Звонила двоюродная сестра. Наверное, их семья уже прикатила к нам, и девчонка теперь мучилась без достойной компании в моем лице.

— Привет, мелкая, — принял я вызов.

— Привет, большой брат, — рассмеялась в трубку Ульяна.

Она была младше меня на год и ниже на две головы. Но классная.

— Соскучилась по мне?

— Не то слово.

— Скоро буду, — отрапортовал я, переводя взгляд на навигатор и отмечая, что ехать мне осталось чуть меньше получаса.

— И придется еще поскучать, — перебила мои мысли сестра.

— Почему? — нахмурился я.

— Потому что твоя маман сегодня опять отжигает. Она снова пригласила в гости свою эту придурковатую подружку.

— Блядь, — закатил я глаза. — Загорскую?

— Именно. И, как ты понимаешь, явилась она не одна, а со своей дочкой. И настроены они крайне решительно, свято веря в ваше общее незамутненное будущее.

— Пиздец! — тормознул я тут же в ближайший дорожный карман, заглушил двигатель и привалился лбом к оплетке руля, устало вздыхая.

— И это еще мягко сказано, братец. Из подслушанного все так и есть: тебя собираются активно сватать.

Ну, вот за что мне это все, а?

— Моя дражайшая матушка окончательно спятила, — простонал я.

— Так что, можешь сильно не торопиться. Отдохнуть здесь тебе явно не дадут.

Перед глазами тут же промелькнуло смазливое личико Алины Загорской. Этим летом, не зная, кто она такая, я, от нечего делать, трахнул ее на заднем сидении своей тачки после какой-то вялой вписки. Потом еще раз на следующий день. И на этом все.

Кто же знал, что я настолько не фартовый, да?

— Спасибо тебе, любимая систер. Благодаря тебе у меня в

кратчайшие сроки развилась мигрень и поднялась температура. Теперь я все выходные проваляюсь в постельке с микстурами.

— Удачи, Захар. И да, я тоже тебя люблю!

И отбила звонок, а я тут же отписался матери, что резко почувствовал себя плохо. Едва ли не умираю и планирую делать это до тех пор, пока она не перестанет вмешиваться в мою жизнь. Одного раза с чокнутой Плаксиной мне хватило.

Повторения не будет!

Конечно же, родительница протестующе развонялась и принялась обрывать мне телефон, дабы наставить на путь истинный. Я же оставил ее истерику за кадром и решительно набрал лучшего друга.

Тот ответил на втором гудке, а я сразу перешел к делу:

— Чем занят, Тим?

— Приехал в Завидово чилить.

— С кем?

— С Яной.

Блин. Ну понятно...

Здесь тоже зависнуть не вариант. Ибо не стану же я разбавлять своей персоной романтическую поездку двух влюбленных сердец.

Жаль.

И я почти уже выкрутил руль в сторону дома, как тут же замер, услышав следующие слова Исхакова.

— И со Стужей.

Черт!

Меня тут же обсыпало электрическими мурашками. Перед глазами мигающим семафором засветились охренительные сиськи третьего размера. Член радостно дернулся в штанах.

Сука!

— Понял, — прохрипел я в трубку и отбил звонок, а после секундного колебания трехэтажно выматерился, но все же построил маршрут из точки А в точку Б, бурля внутренне от иррационального предвкушения.

Что ж, вечер резко перестал быть томным...

А потом меня бомбануло, стоило лишь добраться до пункта назначения.

Вася, я, блядь, снеслася...

Я не видел никого и ничего, кроме нее, когда прошел на задний двор домика, который снял Тим. Все мои рецепторы и органы восприятия завизжали, впиваясь в образ Ангелины Стужевой. По венам побежал чистый яд. И ненависть к этой девчонке всколыхнула в моей душе весь пепел, заставляя задерживать дыхание и мысленно трехэтажно материться.

Звезда пленительного счастья, ни дать ни взять!

Балахонистые бойфренды болтались на ней, как на вешалке. На такой же по крою футболке было с вызовом написано: *«Мини стерство»*.

Ну не сука ли, а?

Безобразные дреды были собраны в высокую гульку на ма-

кушке, оголяя длинную шею девчонки и подчеркивая ее острые, как бритва, скулы. А она сама огромным тесаком кромсала овощи, старательно высунув кончик языка и чуть пританцовывая под музыку, льющуюся из портативной колонки.

Пиздец!

Не человек, а стригущий лишай!

— Ты же не планировал ехать с нами, — отвлек меня от обгладывания образа Стужевой Исхаков и шутливо толкнул в плечо.

А я весело рассмеялся и не стал отказывать себе в извращенном удовольствии, чтобы подмигнуть этой татуированной гарпии, которая уже презрительно щурилась и с силой сжимала нож в своей руке, очевидно, представляя себе в влажных фантазиях, как расчленит меня с особой жестокостью.

О да, моя хорошая. Мечтай!

— Да, не планировал. Но потом передумал, когда узнал, что Геля очень хотела меня видеть.

Пуф!

Ра-та-та-та, блядь!

Стужа в моменте покрылась красными пятнами. Тим закатил глаза. Яна, прикусила губу, пытаясь скрыть веселье. Я же расплылся в блаженной улыбке и не планировал стирать ее со своих губ.

Я приехал сюда от души кайфануть и не собирался себе изменять. А, в частности, напомнить себе то, за что я терпеть

не могу эту особу.

И я получил то, что ждал: Стужа скривилась и форменно оскалилась, а затем набрала полные легкие воздуха, чтобы припечатать меня чем-то мерзопакостным, но я был быстрее.

Оперативно отмахнулся и выдал:

— Шучу. Мне плевать. Просто в отчем доме нелетная погода, — решительно отвернулся я от бесячей девчонки, похлопал Типа по плечу и кивнул в сторону разгоревшегося мангала.

Хватит!

Надо бы притормозить.

Иначе мы просто мелко пошинкуем тут друг друга на глазах у бедных Тима и Яны. Я был бы не против, но мне пока хватало и того, что затылок нещадно жгло от взгляда Стужевой. Она форменно пыталась высверлить во моей черепной коробке несколько дырок, дабы превратить ее в дуршлаг.

А я?

А я от чего-то нещадно перся, что производил на эту фурию с самыми зачетными сиськами на планете такой сокрушительный эффект. И никак не мог перестать улыбаться, рассказывая другу все то дерьмо, что опять начало твориться в нашей достопочтенной семейке и с моей дражайшей матушкой, в частности.

— Никак не могу взять в толк, — пробормотал Тим, а я вздрогнул и уставился на него в недоумении.

— Что именно?

— Да просто ты опять вещаешь про очередной ахтунг со своими прибабахнутыми предками, а сам так светишься, будто бы выиграл сектор-приз на барабане.

Еще какой!

— Тебе показалось, — буркнул я и зафиналил разговор, сосредотачиваясь на мясе, что уже весело шкворчало на шампурах.

Румяное. Сочное. Ароматное.

Ну, поехали...

С полной тарелкой жареной свинины мы с Тимом вернулись за стол к девчонкам, которые увлечённо обсуждали какие-то свои архиважные дела. Чуть приглушили голос, когда мы с Исхаковым опустились рядом с ними. Но не переставали с упоением шушукаться, уплетая за обе щеки ароматный шашлык.

Нет, Золотова, конечно, с благодарностью улыбнулась своему парню и послала ему воздушный поцелуй. Но Стужева...

Бесила меня показательным безразличием.

Восседала расслабленно на своем плетёном троне и более ни единого раза не посмотрела в мою сторону. Не то, чтобы мне этого хотелось.

Конечно же, нет!

Но сам факт. Будто бы меня и вовсе не наблюдалось за столом. И она вела себя так вызывающе непринужденно, что

меня аж потряхивало.

Нога на ногу.

Смех на максимум и со смаком. Когда ее голова откинулась назад, ее просто порвало от веселья. Искренне. Я видел ее белоснежные зубы и залип на пухлые губы, представляя, как было бы прекрасно засадить ей по самые гланды и трахнуть, пока она не начала бы задыхаться от моего размера. А Ангелина беззаботно травила какие-то байки из склепа, даже не догадываясь, что я прямо сейчас делал с ней мысленно. Переключилась на Тима. И вот уже они все втроем от души балагурили.

Я же изо всех сил пытался держать покерфейс, чтобы просто не дать никому понять, насколько темные мысли бродили в настоящий момент в моей больной голове.

Я совершенно точно хотел бы поиметь Ангелину Стужеву во все, мать ее, щели. И черт ее знает почему! Потому что ненависть к ней совершенно однозначно была сильнее, чем сладкие воспоминания о ее идеальном теле.

И вот, когда шашлык был уже съеден, к нам незаметно подошел работник местной богадельни и сообщил, что баня готова.

Я плотоядно улыбнулся, ибо Стужева внезапно стушевалась. Но все же встала и двинула туда, куда было сказано — в томный жар.

А я за ней...

Где-то в периметре моего сознания жужжал лучший друг,

что-то рассказывая мне и спрашивая, но я лишь на абсолютном автопилоте кивал ему, а сам предвкушал, как увижу одну самодовольную пиявку лишь в купальнике.

Тело нетерпеливо загудело, подобно высоковольтным проводам.

Во рту пересохло.

А потом это случилось.

И, кажется, дар речи совсем меня покинул, потому что Ангелина Стужева предстала передо мной в, казалось бы, простом слитном черном купальнике, который, словно вторая кожа, обтягивал ее невероятное тело. И в особенности подчеркивал ее капитальную «троечку».

Блядь.

Мои глаза!

Ну почему столь прекрасная упаковка должна была достаться такой неприятной личности, а? Что за вселенская несправедливость? Неужели подобный боевой комплект нельзя было выдать какой-нибудь милой девочке, которая бы порадовала меня и не раз своей покладистостью?

А я порадовал бы ее зачетными оргазмами.

А тут вот — нате!

Облизывайся и страдай...

И ненависть к Стужевой вспыхнула во мне еще сильнее, если это только было возможно. Особенно оттого, что она до сих пор упорно делала вид, что меня здесь нет. Что я вообще не существую. А еще бесило неимоверно то, что она

спрятала своих налитых девочек от моего алчного взора под плотным слоем махрового полотенца.

Стерва.

Да и похер, да?

Баню растопили в умат. Пенное лилось рекой. Настроение стремительно рвалось к небесам. Музыка, смех — по кайфу. С Тимом пару раз в парной поджарились на славу. И девчонки тоже.

А там уж на заходе третьем я завис.

Без шансов!

Потому что полотенце Стужи, как по моему заказу соскользнуло с ее налитой груди. А я сглотнул и впился взглядом в тот участок ткани на ее купальнике, который четко обрисовывал ее проступающие твердеющие соски.

Все больше и больше, пока я не увидел две маленькие напряженные горошины.

Член с небывалым энтузиазмом дернулся в купальных трусах и поднял голову. Но тут же сник.

Это гребаная Ангелина вдруг резко подобрала махровую ткань полотенца и снова водрузила ее на место.

А там уж мы с громом и молниями встретились с ней взглядами.

На секунду зависли: она — в бешенстве, а я облизываясь. А затем эта неугомонная пошла в атаку. Ту самую, что я ждал целый вечер, мечтая метафизически засадить ей свои клыки в шею. И трепать, пока не нажрусь ее капитуляцией.

До пуза!

— Уже поздно, Захар. Тебе домой случаем не пора? — вопросительно выгнула она одну бровь, поигрывая штангой пирсинга в своем языке.

Отчего в мой пах снова и снова бил волнами раскаленный жидкий свинец.

Ведьма гребаная!

— Не-а, — подмигнул я ей, откидываясь на спинку стула, радуясь тому, что мой наполовину возбужденный член прикрыт полотенцем.

Ой, чума!

— А что так? — удивленно встрепенулась она.

— А что не так? — улыбнулся я ей.

— Как же ты, масенький, спать-то будешь без пастельной грелки? Всем и каждому известно ведь, что твоя блудливая натура такого упущения просто не переживет! — в упор уставилась она на меня разноцветными глазами.

— Так говоришь, будто бы хочешь предложить свою кандидатуру.

— Боже упаси! — фыркнула она. — Я еще с того раза периодически заикаюсь на особом нервяке.

— Бедняжка...

— Все жду, когда ты мне бутылку молока с извинениями подгонишь. Так сказать, за вредность, — сложила Стужева руки на своей груди, а я едва ли не потерял нить нашего потрясающего диалога.

— Ребята, мы вам не мешаем? — спросила озадаченно Золотова, но мы оба даже внимания на нее не обратили, продолжая кровожадно скалиться в сторону друг друга.

— Не хотел бы тебя разочаровывать, Ангелина.

— Не хотел, да? Ну, так ты уже постарался на этот счет. Разве нет, м-м? — закатила она глаза.

А я захохотал. Так от души! Вспоминая все то, что было между нами и мгновенно вспыхивая.

Она же вдруг криво улыбнулась мне в ответ. А затем резко поднялась из-за стола. Отряхнула невидимые пылинки с плеча и с разочарованным стоном выдохнула, припечатывая:

— Смешно дураку, что член на боку.

И промаршировала в парную. А я с секунду пытался потушить себя. Но не вышло.

Тщетно!

Ладонями вдарил по крышке стола. Подскочил на ноги и рванул вслед за этой сучкой.

Что ж, смешно ей, да?

Сейчас посмеемся вместе...

Глава 11 – Искусственное дыхание

Ангелина

Мерзость! Мерзость! Мерзость!

Еще и таращился этот упырь на меня как баран на новые ворота. Будто бы я ему сдачу с рубля не дала. А у меня от этого взгляда изжога прям и мурашки по телу противные побежали. Особенно стремно стало тогда, когда мое полотенце соскользнуло с груди и голубые зенки Захара Летова намертво приклеились к проступившим через ткань соскам.

Клянусь, если бы под рукой у меня было что-то острое и твердое, то этот персонаж уже превратился бы в хладный труп.

А так, еще сидел живой и бесил меня сверх меры.

А еще напоминал, какого это было — быть распятой под ним, когда его пах утрамбовывался мне прямо в задницу и горячее дыхание щекотало шею, заставляя меня наливаться яростью.

М-м-м...

Ну, вот как все это забыть, а? Может, целенаправленно пойти и со всей дури вмазаться куда-то головой, в надежде заиметь себе хотя бы временную амнезию? Чуть передохнуть от отвратительных воспоминаний и забыть какие на вкус губы Захара Летова. Его запах. Его тяжесть.

Вообще его забыть, черт побери!!!

А ведь я, когда увидела его сегодня, клятвенное обещание себе дала, что не вступлю с этим гадом ползучим ни в какие непримиримые баталии. Что буду холодным неприступным айсбергом и вообще взглядом его не удостою. Пошел он!

И вот нате — приплыли.

Сама ведь клюнула его в мозг первая. Сама сунула голову в пасть к этому крокодилу. И я не знаю, чтобы случилось, если бы я встала и на своих двоих не вышла из-за стола. Наверное, мы бы снова начали кидаться в друг друга едой.

Или чем похуже.

В углу, рядом с камином стояла милейшая кочерга, да так и манила меня взять ее в руки, а там уж запилить веселую вечеринку.

А-е!

Но я поборола искушение! Лишь ляпнула на прощание пару ласковых одному зарвавшемуся блондинистому болвану:

— Смешно дураку, что член на боку.

И пошла отсюда от греха подальше летящей походкой от бедра...

А, нет. Тут бежать надо! Улепетывать! Потому что где-то за моей спиной уже с психом и угрожающе проскрежетали металлические ножки стула по деревянному полу. Это, очевидно, до Летова не сразу дошло, с чего он вдруг дураком стал и почему его расчудесный половой орган съехал набок.

Перся вот теперь, чтобы я ему все разъяснила.

Пу-пу-пу...

Ладно, уважим мальчика.

Хрустнула костяшками пальцев, сняла очки с переносицы и подмигнула своему отражению в зеркале. А затем смело шагнула в раскаленный жар парной. Подхватила здоровенный металлический ковш и крутанула кран с ледяной водой, набирая свою тару до краев. А затем присела на полку и принялась ждать фашиста.

Ну, поехали!

Раскатаем этого утырка и покажем ему, где раки зимуют.

А сама аж задрожала всем телом, чувствуя, как адреналиновый холод кусает мою кожу, даже тут — в раскочегаренной донельзя парной.

А тем временем Летов уже был здесь...

Он открыл дверь и окинул меня с ног до головы насмешливым взглядом. Медленно облизнулся. Поднял руку и, массируя свою шею, подвигал из стороны в сторону ненавистной мне белобрысой башкой, словно бы разминаясь перед нападением.

Скотина!

А затем шагнул внутрь и прикрыл за собой дверь.

Бах! Бах! Бах!

Мне казалось, что мое сердце затарахтело где-то в горле. И дыхание сперло. Но рецепторы были начеку, все чувства обострились до максимума, и я даже видела, как маленькая капелька воды сорвалась с ключицы Летова и медленно по-

ползла вниз, преодолевая все его восемь кубиков пресса.

— Куда смотришь, Стужа? — замечая мой взгляд и куда именно он направлен, иронично спросил Захар, как всегда, на свой извращенный вкус интерпретируя то, что видели его наглые зенки.

— Как куда? — надула я губы и дурашливо приложила указательный палец ко рту. — На телеса твои распрекрасные, конечно же.

— Да? А я думал, проверяешь, на боку ли у меня тот самый член, о котором ты так уверенно болтала.

Глаза в глаза и у меня давление прыгнуло до запредельных значений. Во рту пересохло и перед мысленным взором, как по щелчку пальцев замельтешила картинка, где Летов в то самое утро лежал передо мной, в чем мать родила и со стояком наперевес.

Самоуверенный, как черт! Прекрасно понимающий степень своей привлекательности и того, какое именно впечатление он производил на девушек.

Но вот незадача — мне было на него плевать с высокой, мать его, горы!

— Ну, чего зависла, моя хорошая? — сделал он пару шагов в мою сторону, неспешно поглаживая руками свой пресс, а затем заправил большие пальцы под резинку низко сидящих на бедрах купальных плавок и чуть их оттянул. — Или тебе нужно освежить память, м-м? Чтобы ты уже точно ничего не перепутала, на боку там у меня что или нет?

И опустил труселя до преступно низкой отметки. Бессовестный и бесстыжий!

Да меня же сейчас стошнит!

Но я заставила себя, несмотря ни на что, рассмеяться. От души так, откидывая голову назад и ударяя себя ладонями по коленям.

— То есть, член — это все, что тебя так задело в моих словах, да, Захар? Насчет дурака возражений нет?

И вот тут я поняла, что дошла до точки невозврата. Меня мелко трясло. Летов, доведенный до ручки, тоже скривился, оскаливаясь и надвигаясь на меня скалой.

— Ну, все, Стужа...

— Не приближайся ко мне! — угрожающе зарычала я.

— Поздно пить «Боржоми», моя милая... Поздно!

И уж было вновь выдал в мою сторону нечто отвратительное. Да не успел.

Ибо я подхватила свой заготовленный ковшик и без промедления выплеснула его ледяное содержимое прямо в морду одного совершенно конкретного придурка.

И бежать!

Быстрее!!!

И у меня это почти получилось!

Вот же я — почти схватилась за ручку парной. Почти выбежала прочь. Почти сделала этого козла по всем фронтам, да еще и всухую.

А потом бац — и меня просто в одно движение подняли

в воздухе и закинули на верхнюю полку. А там уж прижали огромной ручищей, не давая возможности сдвинуться. И понеслось...

Я закричала, потому что на мой зад опустился распаренный еловый веник. Горячий! Хлесткий!

Раз!

Два!

Три!

— Скотина! Ненавижу! — заорала я во всю глотку.

— Взаимно, детка! Но по жопе ты у меня сегодня все-таки выхватишь! — выговаривал он, шлепая меня снова и снова. — За все свои слова в мой адрес. Чтобы впредь знала, что в моем присутствии надо молчать! Просто захлопнуть свою варежку и сидеть тихо! Иначе...

— Иначе, что? Ну и что ты мне сделаешь, а, Летов? Пугалка еще не отросла! — визжала я, пока веник с колкими иголками впивался в мои ягодицы, бедра и поясницу.

— Показать? — на секунду и вплотную приблизился Летов к моему лицу, а я аккумулировала в себе всю ярость к нему и рявкнула.

— Да пошел ты!

— Ах, пошел, значит? — рассмеялся он зловеще, откидывая в сторону веник. — Ну, так это я легко могу устроить!

— Что...? — охнула я, а спустя секунду завизжала, как резаное порося.

И все это под аккомпанемент веселого гогота моего злей-

шего врага.

— Взрываем, Стужева! Все для тебя! — закинул он меня к себе на плечо, словно пушинку, чертов гоблин-переросток, и пошагал прочь из парной.

— Пусти! — заголосила я дурниной, колотя гребаного Летова по спине и заднице в ослепляющем приступе дежавю.

— Сейчас, сейчас, моя хорошая, — покладисто мурлыкало это прохудившееся изделие номер два, нежно поглаживая меня по филейной части.

— Пусти сейчас же, я сказала! — гаркнула я.

— Ах, ты сказала...

— Живо!

— Не могу отказать даме, — сахарно выдал Захар, а затем сдернул меня с себя и...

Зашвырнул в бассейн.

Бам!

Холодная вода накрыла меня с головой, а мне вдруг стало до ужаса страшно. Из груди вырвался протестующий вопль. Я неуклюже замолотила руками, пытаясь всплыть, но снова и снова терпела неудачу, пока жалобно не вскрикнула, видя, как стоит надо мной мой персональный дьявол и улыбается.

Победно!

Во все свои тридцать два белоснежных зуба, которые я так мечтала повыбивать. А теперь что?

Не просить же у него помощи...

Вот только силы стремительно оставляли меня. Подборо-

док задрожал, а пальцы ног едва-едва доставали дна бассейна.

Засада!

И только я решила, что пора уже наконец-то позорно звать на помощь тяжелую артиллерию, как сильные руки неожиданно подхватили меня, прижали к горячему телу и стремительно вытащили из воды. Распяли на широком бортике. И пока я отплевывалась и тихо чертыхалась, ладони Летова буквально везде скользили по моему телу.

Суматошно!

Настойчиво!

По животу. По груди. По заднице. Между ног.

А сам он шипел мне взбешённо сквозь зубы:

— Ты, убогая, еще и плавать не умеешь, что ли? Сдохнешь тут еще, а мне из-за тебя в тюрьме чалиться, — и на этом самом слове его пальцы с силой сжали мой сосок через мокрую ткань купальника.

Я дернулась и только было снова заорала ему, как я его презираю, но он внезапно жестко прихватил меня за скулы и с силой сжал их, заставляя меня открыть рот. А там уж и вторая его рука фактически спеленала мои конечности, чтобы я не брыкалась. Тогда как сам Летов навалился на меня.

И тяжело дышал. Словно загнанная лошадь.

И жадно шарил по моему лицу почти черным взглядом от расширившихся до предела зрачков.

А я, маленькая и хрупкая, могла лишь вяло дергаться под

ним и понимать, что меня ждет очередное издевательство. И да, да, да...

Как же я была права!

Потому что Летов столкнул нас сначала лбами, заставляя меня в очередной раз захлебываться от его мучительной близости. И я снова наглоталась – его сладким ароматом черной смородины, персика и теплого дерева. Он укутал меня им, словно в ватное одеяло, и придушил. А мне только и оставалось, что крепко зажмуриться и молиться, чтобы все это безобразие поскорее закончилось.

Вот только Летов будто бы даже и не думал тормозить. Напротив! Кажется, он с каждым мгновением разгонялся все сильнее и меня за собой тащил, грозясь вновь на полной скорости врезать нас в какое-то очередное дерьмо.

И да, черт возьми! Именно это он и планировал сделать.

Он прикрыл глаза на мгновение и снова будто бы от боли зашипел. На секунду замер...

А затем запечатал мой рот своим. И язык свой до самой моей глотки в меня засунул.

Падла!

Я протестующе замычала, ощущая, как меня топит его вкус: мятный и терпкий с нотками сладкой карамели. Звучит не так уж и плохо, но я клянусь, что не было в моей жизни ничего хуже этого! И вырваться никак! Ибо блондинистый кровосос только еще сильнее навалился на меня и принялся натурально пожирать мой рот. И мять своими руками. И

толкался в меня весь так, будто бы вознамерился накачать собой под завязку, чтобы я окончательно спятила.

И не знаю...

Наверное, от меня бы совершенно точно ничего не осталось, если бы спустя несколько до невозможности отвратительных секунд до нас не донесся насмешливый, но спасительный и долгожданный голос Тимофея Исхакова:

— Я, кажется, мало что понимаю в искусственном дыхании, Захар, но что-то мне подсказывает, что его делают несколько иначе...

Ой, мля...

Жесть!

Конечно же, я сразу же отбилась от блондинистой пиявки и с пробуксовкой на максимально возможной скорости сбежала обратно в зал для отдыха. В глаза Тиму смотреть было невыносимо. А вот Яне очень даже да!

— Морда лица не треснет? — подбоченившись, спросила я у так называемой подруги, как только мы снова с ней встретились.

А там картина маслом: Золотова вольготно развалилась на стуле, улыбалась мне и планомерно точила шашлык, даже не почесываясь оттого, что меня сейчас, вот прямо только что едва ли не забили веником, потом чуть не утопили, а затем практически изнасиловали мерзким языком!

— А должна? — недоуменно воззрилась на меня блондинка, а я поджала губы.

Уперлась в стол обеими руками, нависая над ней, и прищурилась.

— Эх, Яна, Яна...

— Что? — недоуменно захлопала она ресницами, словно фарфоровая кукла, а я фыркнула.

— Так, так, так! А давай-ка вспомним с тобой толковый словарь Ожегова, а именно лексическое значение слова «друг»: это сторонник, защитник кого-либо или чего-либо. Употребляется по отношению к близкому человеку.

— Ну...

— А ты что? — зарычала я. — Разве не слышала, как меня там...

— Целовали? — сжала она кулачки и с восторгом на меня посмотрела, а я закатила глаза.

— Тебе правда смешно, Яна?

— Нет, но...

— Вот и мне не смешно! — вывалила я на девушку все, что клокотало у меня в груди. — Ко мне прикасался, меня лапал самый противный человек на планете! Он издевался надо мной! Думаешь, я за этим сюда приехала, чтобы самовлюбленный, пустоголовый Захар Летов ставил надо мной свои жестокие эксперименты?

— Я не знала, что он прикатит, — сделалась в моменте серьезной Золотова.

— Тим знал!

— И Тим не знал. У Захара сегодня намечались посидел-

ки у предков. Он нам об этом еще недели две назад рассказал. И я черт его знает, что там случилось, что все накрылось медным тазом, и он все-таки прикатил к нам.

— Ну, понятно..., — фыркнула я.

— Не выгонять же его было, Геля?

— А почему бы нет, собственно? — натурально удивилась я.

— Ну, точно...

Мы на минуту стихли, а затем я снова вспыхнула негодованием и форменно наехала на подругу.

— Я же орала, как резаная! Неужели тебе было все равно?

— Меня Тим не пустил, — подняла вверх, будто бы защищаясь, ладони Золотова.

— Что? — охнула я. — Ты серьезно сейчас?

— Конечно, серьезно, — приложила меня Яна, а затем понизила голос до шепота и чуть наклонилась ко мне, — ты бы видела, как Летов на тебя смотрит, подруга!

— Как? — в ступоре зависла я, ожидая, что девушка ответит, по типу того, что блондинистая шелупонь мечтает меня прирезать где-то в темном переулке, а потом скормить рыбам-мутантам в Москве-реке.

И капитально выпала в нерастворимый осадок, когда услышала совсем иное пояснение.

— Да там взгляды с цензом двадцать один плюс, Стужа!

— Ась? — аж перекосило меня от таких слов, и я рухнула на стул, так как ноги внезапно перестали меня держать.

— Блин, Геля, не тупи! Я думала, что мне показалось, но Тим тоже это просёк. Захар болтает, а сам на тебя палит, как одержимый. С груди полотенце у тебя упало — а там звезды в глазах!

У меня дыхание перехватило.

— Золотце, умоляю, скажи, что ты сейчас пошутила! — и я сложила руки на груди.

— Почему же? — непонимающе воззрилась на меня Яна, а я скривилась, понимая совершенно точно, откуда дует северный ветер.

— Потому что меня сейчас стошнит!

— То есть, — облизнулась блондинка, — он совершенно точно тебе ни капельки не нравится?

А я глаза закатила, понимая, что все вокруг считали Летова неотразимым магнитом для девчонок. Да только вот незадача — мне и дела до него не было. И я принялась уже в который раз монотонно разжёвывать подруге простые истины.

— Яна, я не умаляю, что Захар красивый парень. Высокий. Статный. Накачанный. Капитан баскетбольной команды и все такое. Отрицать это бессмысленно. Но, пойми, для меня он совершенно точно пустой. Как бы так объяснить, чтобы до тебя дошло? Ну, он словно пластмассовый Кен с фальшивой, нарисованной улыбкой. Понимаешь?

— Понимаю..., — послышался за моей спиной голос Летова, но я даже не шелохнулась. И в сторону его не повернулась, совершенно четко осознавая, что если прямо сейчас

хотя бы один раз на него посмотрю, то все — тушите свет.

У нас тут будет дискотека!

Я лишь брезгливо передернула плечами, а затем подхватила Яну под локоток и потащила ее от греха подальше — в парилку.

А дальше уж вечер потек своим чередом. Девочки — налево. Мальчики — направо.

И, знаете, хорошо было! Вот прям на пять баллов. Мы с Яной остаток вечера на своей волне тусили, а Тим и блондинистая хтонь — на своей. Никто никому больше не мешал, что меня радовало до невменоза. А спустя за час до полуночи, упарившись едва ли не вусмерть, мы тихо-мирно разошлись по своим спальням.

Благо, их в нашем домике было в нужном количестве.

Вот только атмосфера погрузилась в сонную тишину, а у меня дремы ни в одном глазу. И все перед мысленным взором, как на репите вот эта сцена крутилась, где меня Летов из бассейна достал и трясущимися грабарками под себя подмял, а потом...

Боже, боже!

Да он болен, не иначе! Ему лечиться надо, в этом, как там его? В психоневрологическом диспансере, причем долго и упорно. Потому что я совершенно точно знала, что мы друг друга с этим парнем органически не переваривали, причем на постоянной основе.

И вдруг он язык свой совать в меня удумал.

Ну, спятил касатик, тут и ежу понятно. А может, он в бане перегрелся? Кто его теперь разберет?

Он-то делов наворотил и спит себе сейчас спокойно зубами к стенке, а мне страдай. Вспоминай ужасы. Мучайся. Пойду, что ли, успокоинчика попью, то бишь чая с ромашкой. Авось немного в себя приду и перестану вспоминать, как неугомонный Летов в меня свой член снова зачем-то трамбовал.

Дурак!

Встала. Напялила на себя объемный банный махровый халат и потопала на поиски умиротворения. По коридорам на цыпочках пробралась. Пошурудила на кухне. Сварганила себе зеленый чай и, прихватив с собой пару заварных печенек, двинула на задний двор.

Погода ведь еще стояла отличная — бабье лето или что, я не знаю, но даже ночью столбик термометра уверенно держался в комфортных значениях. А тут еще и горячий чай в кружке дымится.

Лепота...

Вышла. Села в плетеное кресло, чуть глотнула своего божественного напитка, а спустя минуту охнула, так как поняла, что всего в нескольких метрах от меня, прямо в деревянной беседке милуется пара влюбленных.

Убежать хотела, сверкая пятками, сначала. Грешным делом, подумала, что это Тима и Яна зажечь под светом луны и звездной пыли решили. А потом пригляделась.

И глаз выпал...

Летов, мать его ети!

Наш пострел везде поспел!

Где-то уже нарыл себе покладистую девчонку и напористо пёр к цели, пытаясь потыкать в нее своей волшебной палочкой.

Честно? Сначала думала свалить. Ну, знаете ли, не очень-то и хотелось смотреть на ночь глядя ужасы с моим злейшим врагом в главной роли. А потом меня попустило.

А почему бы и нет, собственно?

Ну и чего? Ваша покорная слуга устроилась поудобнее, вгрызлась в печенье и поправила очки на переносице, чтобы, так сказать, лучше видеть кино, которое уже было в полном разгаре. И поехали...

Святое дерьмо!

Летов усадил девчонку прямо на дощатый стол в беседке, а я закусила кулак, переживая за ее белоснежный зад. Ну, занос же нахватается, честное слово.

А тем временем завязка уже переросла в кульминацию.

Я видела, как микроскопические труселя незнакомки полетели куда-то в небытие, а Летов нетерпеливо достал из заднего кармана джинсов пакетик с защитой и рванул его зубами. Быстро раскатал по стволу. И в путь — блаженно закатывая глаза и замирая на секунду, пока его добыча сладко стонала от такого захода.

Потрясающе!

Мне хотелось встать и аплодировать, завывая:

— На бис! Бис! Бис! Умоляю...

Но я только похихикала в кулак и дальше вперила взор. Ой, а там был прямо «Satisfaction», ни дать ни взять. Только что музыкального сопровождения не хватало.

И я бы смотрела на это бесконечно, определенно, выдыхая с облегчением оттого, что предположение Яны и Тима было ошибочным. Никто тут на меня с пеной у рта не смотрел. Скорее, пёр по инерции, вот и все. И искусственное дыхание уже делал другой, да еще и с большей прытью.

Но тут внезапно меня крутым кипятком обварило.

Ибо Летов, будто бы почувствовав мой пристальный взгляд, вдруг повернул голову и разом впился в меня своими зенками, а затем улыбнулся, как заправский маньяк. И заколотил бедрами в бедную девицу на такой скорости, что она едва ли умом не тронулась.

Ой, ма-а-а...

Я же от подобного поворота событий не растерялась. Встала медленно со своего насеста. Точно так же неторопливо допила свой чай. Отдала блондинистому таракану под козырек.

И на такой минорной ноте потопала спать.

И спустя минут двадцать, лежа уже в теплой кроватке, вдруг получила сообщение с незнакомого номера:

«Так смотрела, будто бы тоже хотела поучаствовать».

Ой, дурак...

Глава 12 – Я тебя не брошу, потому что я хороший...

Ангелина

Паспортный контроль остался за моей спиной, из багажа — только ручная кладь, но мне большего было и не нужно. Да и зачем? Я ведь летела к отцу всего на два дня.

Регина, кстати, отпустила меня легко и непринужденно. Я всю неделю пела ей новые песни о главном про то, какая пакость у меня родитель, что он лишь биологический материал и ошибка природы, на которую нечаянно напоролась моя родная мама. А затем зафиналила, надув губы:

— Блин, Яна Золотова летит в пятницу в Питер проведать бабушку и погулять по Невскому. Меня с собой звала, но я отказалась, конечно же...

— Прочему это «конечно же»? — нахмурилась женщина, а я тяжко вздохнула, корча из себя великомученицу.

— Ну, в субботу же две пары, мам. Как пропустить?

— Что-то серьезное?

— Да, нет, — отмахнулась я, называя самые побочные предметы.

— М-м, ясно, — улыбнулась мне Регина, — но я бы на твоем месте согласилась. Все же ты так давно хотела поехать в Северную столицу, а тут еще и не одна. Все же Яна год там

жила и знает город как свои пять пальцев.

— Это да, — кивнула я.

— Она там хоть не жалеет, что вернулась? У них с Тимом все хорошо? — обеспокоенно спросила женщина, вкратце зная непростую историю Золотовой и Исхакова. Да и насчет личного дневника девушки и того, как именно и при каких обстоятельствах он мне достался, тоже была осведомлена.

— У них же свадьба будущим летом, мам. Ты чего? Я — подружка невесты, между прочим.

— Ну, это еще ни о чем не говорит, — закатила глаза Регина, а я усмехнулась.

— Он любит ее как умалишенный.

— А она?

— А она его, как умалишенная.

Мы обе рассмеялись.

— Ну, тогда совет им да любовь. А, кстати, со стороны Тимофея кто будет свидетелем?

— Ой, не напоминай, — закатила я глаза и изобразила рвотный позыв. А еще заочно посочувствовала своему телефону, в котором теперь хранилось единственное входящее сообщение от нового контакта «Хтонь».

Естественно, я на его словесный понос отвечать не стала. Но и удалять писульку рука не поднялась. Решила — пусть будет. Как еще одно напоминанием о том, какой Летов придурок.

— Вы так и не нашли с этим парнем общий язык? — при-

щурилась на один глаз Регина, а у меня чай носом пошёл, который я только что глотнула из пузатой чашки.

Общий язык...

Да, было дело. Искали. Теперь у меня, кажется, нервный тик и ночные кошмары от этих поисков. А еще я зачем-то вспоминала, как жадно вколачивался в тело незнакомки ненавистный одногруппник, смотря на меня в упор. А наутро этот пахарь-трахарь даже не дрогнул, не покраснел и не расправил павлиньи перья.

По нулям!

Просто ел. Просто пил. Просто снова делал вид, что меня в этом мире не существует. А затем сел в свою дорогущую тачку и смылся, как дерьмо в унитазе, ссылаясь на какие-то важные дела.

Бр-р-р! Не человек, а слизень.

— В общем, я тебя на поездку благословляю, дочь моя, — вырвала меня из запутанного клубка мыслей мама.

— Правда? — просияла я и кинулась к ней обниматься, балдея оттого, что все сложилось так, как я и планировала.

Чудесато!

— Ну, конечно, — улыбнулась мне Регина. Только не забывай фотки слать.

— Разумеется..., — кивнула я, зная на перед, как обойду и это препятствие.

И вот она я — приехала в аэропорт сразу же после пар в пятницу, получила посадочные и прошла зону досмотра,

где мы всего на несколько минут пересеклись с Золотовой. Сделали для Регины совместное селфи, а затем разошлись как в море корабли. Я — в Ростов. Она — в Питер.

Но договорились, что подруга регулярно будет слать мне снимки для отвода глаз.

А после, уже сидя на борту самолета, я отзвонилась отцу, который был невероятно счастлив оттого, что у меня получилось вырваться к нему. А еще клятвенно пообещал, что сам лично встретит меня по прилету.

Я была так рада, что у меня появится еще один родной человек!

А может быть, и не один. Все же у отца была супруга, а у той тоже были дети — мои, так получается, сводные сёстры. Или как? Наверное, так.

И вот два нервных часа в небе остались позади, а там уж я была на месте. Отбивала беспокойно ногой в пол и несколько раз проверила в крохотном карманном зеркальце, приемлемо ли я выгляжу. Впервые в жизни даже замялась оттого, что на голове моей огромной шапкой были завязаны в гульку дреды. И пирсинг в брови, в ушах и в языке как-то уже не выглядел прикольным украшением.

А что подумает отец, когда увидит мой расписной рукав?

Мне всегда, если честно, было плевать, как относится серая масса людей к моему, так скажем, растаманскому стилю, а тут поплыла. А затем мысленно надавала себе отрезвляющих оплеух и фыркнула, сделала снимок самой себя и улыб-

нулась от уха до уха.

Полюбовалась.

В конце концов, у меня был неизменный девиз по жизни: люди смеются надо мной, потому что я другая. А я смеюсь над людьми, потому что они все одинаковые. Так что, пусть новоявленный папаша воспринимает меня такой, какая я есть или идет в баню.

С этим расчудесным умозаключением я и двинула на выход из самолета, а потом и из аэропорта. И сразу в зоне прилета встала, недоуменно обводя равнодушную толпу вопросительным взглядом в поисках моего отца.

— А где, собственно тело?

А его и нет. Минута прошла, затем вторая, пятая, десятая, а я как стояла одна, так продолжала это делать. Ну и не вытерпела, разумеется.

И набрала горемычного родителя.

Он ответил почти сразу же:

— Геля, радость моя, я все на свете прозевал. Замотался, готовясь к встрече с тобой, и не рассчитал время.

— И? — насторожилась я.

— Тебя на улице ждет такси, садись в него — оно привезет тебя ко мне.

— Такси? — охнула я.

— Ага, — радостно отрапортовал мужчина, — я сейчас пришлю тебе номер сообщением.

И отключился.

А я в некотором в шоке потопала на выход из аэропорта, где после недолгих скитаний уселась в нужную машину, в которой оглушающе гремели хиты небезызвестной «Бутырки».

Ужасное дело!

Но я крепилась. Отписалась отцу, что села в заниженную до предела колымагу и мчу к нему с ветерком. Папаня ответил лишь смайликом с поднятым вверх пальцем и на том заглох.

Чудесно!

Яна же, будто бы чувствуя, как меня тут встречают хлебом и солью, нон-стопом слала фотографии из на удивление солнечного Питера. Ужин на Ваське, на крышах, с видом на Финский залив.

Офигительно просто!

А затем и групповое фото прилетело.

Яна. Тим.

И, чтоб у него конечности отсохли, Летов...

Я фыркнула.

Всю фотографию испортил своим самоуверенным видом, гадский гад. И настроение мне заодно обосрал. Какой-то прямо дар у этого парня был в одно мгновение мне кишки сворачивать в морские узлы. Ну вот что за напасть, а?

Меня знатно перекосило, и я отписалась Яне, предупреждая ее, чтобы она впредь не слала мне снимки со всякими там блондинистыми дождевыми червями. Она же мне в от-

вет скинула «кружочек», где со смехом закатывает глаза, но на том и закончила.

А я приготовилась к встрече с отцом.

Еще несколько светофоров и крутых поворотов по незнакомому мне городу, а дальше я форменно покрылась ледяными мурашками от дурного предчувствия, так как машина явно свернула к выезду из города.

Блин...

— Простите, уважаемый, — занервничала я и постаралась перекричать орущую музыку, — а куда мы, собственно, едем?

— Почти на месте, — гаркнул водила и подмигнул мне через зеркало заднего вида.

Вот же засада!

Честно? Я уже решила незаметно открыть на ходу дверь и дать деру отсюда, да куда подальше, хоть бы и до самой Москвы пешкодрапом. Но поняла, что не судьба, потому что створка категорически не хотела мне поддаваться.

Короче, отвечаю, я почти ударилась в истерику и сделал бы это, если бы машина наконец-то не притормозила у высокого деревянного забора, который по периметру был засажен дикой яблоней. Но не это было важным.

А то, что в створе раскрытой калитки я наконец-то увидела его!

И узнала с первого взгляда!

Отец стоял, заправив руки в карманы своих джинсов, и

улыбался, видя, как заниженная «Приора» с пробуксовкой тормозит перед ним. Кудрявый, как и на тех немногих фотографиях, что я некогда нашла в старых маминых альбомах, но теперь уже с заметными залысинами. Невысокий, но жилистый. В щеголеватой бордовой рубашке с закатанными по локоть рукавами.

Но красивый.

Я как-то сразу поняла свою родительницу и то, по какой именно причине она потеряла голову от этого мужчины. А еще теперь я четко знала в кого именно у меня гетерохромия и ямочки на щеках.

В отца! В того самого, которого у меня никогда не было, а теперь есть!

Есть!

Вау...

— Привет, принцесса! — развел руки в стороны мой папа, когда я вывалилась из салона воистину дьявольского такси.

— Привет! — радостно охнула я и упала в объятия родного человека, который тут же легко подхватил меня и со смехом закружил в воздухе.

— Ангелина, дочка! Неужели это правда ты? — захлебываясь счастьем, басил мужчина.

— Я...

— Обалдеть! Как же я счастлив наконец-то увидеть тебя. Девочка моя...

Круто!

Как же все-таки это приятно, когда у тебя есть папа. Когда ты для кого-то самая дорогая, самая любимая, красивая и исключительная девочка. Просто так! Не за что-то, а вопреки всему просто потому, что есть сакральная кровная связь. И это так правильно, когда отец любит свою дочь.

— Вот это да! — поставив меня все же на ноги перед собой, вгляделся в черты моего лица мужчина, — Да ты ведь чисто моя копия!

И перевел глаза на водителя, что стоял, подперев задницей капот своей заниженной тарантайки, и пыхал самокруткой.

— Генка, ну ты смотри, а?

— Да, Горелый, тут и ДНК-тест делать не надо — твое творение, сразу видно.

— Спасибо, что довез в целости и сохранности, — отпустил меня отец и двинул к таксисту, отсчитал ему несколько купюр, пожал руку на прощание и снова вернулся ко мне, приобнимая за плечи.

А я улыбнулась.

— Горелый?

— Олег Горелов я, дочь. Еще с армии прилепилась эта кличка.

— А-а..., — кивнула я, а папа потрепал меня по щеке и указал в сторону одноэтажного дома, чья крыша выглядывала из-за забора.

— Пойдем, познакомлю тебя с моей семьей. И я очень

надеюсь, что ты станешь ее неотъемлемой частью.

— Регина..., — прикусила я губу, многозначительно скривившись. Но мужчина лишь отмахнулся.

— Хрен нас теперь кто разлучит, дочь. Я второй раз этого не допущу.

— Второй? — нахмурилась я.

— Потом как-нибудь расскажу, — грустно хмыкнув, выдал папа и дернул меня за дредлок. — Мне нравится! Необычно и смело. И пирсинг твой тоже крутой! И портак у тебя, что надо — всегда о таком мечтал.

— Спасибо! Это Регина отжигает, она ведь у нас тату-мастер, а я, так уж вышло, обожаю Марвел и комиксы, — зарделась я, проводя пальцами по своему «рукаву», где в потрясающей технике реализма были изображены Алая ведьма, Танос, Локи, Стрендж и Оса.

Но почти тут же сменила фокус своего внимания и стихла, рассматривая представившуюся мне картинку.

Это была натурально дача. Фазенда. Как хотите...

Бревенчатый, но милый домик с широкой террасой, где стоял деревянный стол, заставленный едой, самоваром и огромной трехлитровой банкой с домашним лимонадом. Но не это было главным.

И даже не то, что, на выкрашенные голубой краской перила облокотились женщина средних лет и две девушки, одна из которых была примерно моего возраста, а вторая значительно помладше.

За душу меня взяло то, что с крыши террасы свисали самодельные картонные буквы, которые сложились в сердечное приветствие:

«Добро пожаловать домой, Ангелина!»

Вот же черт!

Я тут же закрыла лицо ладонями, боясь форменно разрыдаться. Но отец развернул меня и быстро прижал к своей груди, гладя по голове и успокаивая.

— Тише, дочка. Тише! Мы просто очень долго ждали тебя. Так долго... Ты себе даже не представляешь!

— Представляю..., — прошептала я, а затем позволила себя повести к терпеливо дожидающимся меня остальным членам семьи.

— Знакомься, это моя жена — Наталья, — кивнул отец на невысокую брюнетку с аккуратной стрижкой боб и широкой улыбкой.

Она была одета в красное платье в горошек, поверх которого повязала льняной фартук, на котором было написано: «знай свое место, женщина».

— Наташ, это моя дочь — Геля.

— Иди сюда скорее, девочка, — протянула мне руки жена отца, и я тут же очутилась в теплых, пахнущих домашней сдобой, объятиях.

— А это моя старшая дочь — Оля.

— Привет, — приветственно кивнула мне миловидная темноволосая девушка, длинные волосы которой были за-

плетены в мудреную косу. А я ответила ей взаимностью.

— А это наша младшенькая — Юля, — подтолкнул отец ко мне девочку-подростка, которая смотрела на меня с явной скукой и жуя жвачку.

— Ага, здорово, — надула она огромный пузырь и эффектно его лопнула, чем схлопотала от матери шутливый подзатыльник. — Ай, больно же!

— Зато бесплатно, — фыркнул отец.

Мы все рассмеялись, а затем дружно потопали к столу, где обнаружилась жаренная с мясом и грибами картошка, бочковые огурцы, маринованная по-домашнему сельдь, пирожки с луком и яйцом, щавелем и вишней, а еще бутерброды со шпротами и тонко нарезанное сало.

Какая-то пища богов, честно слово!

Но не это меня поразило, а то, как по-настоящему трепетно ко мне отнесся каждый сидящий за столом. И вот уже даже вечно скучающая Юля преобразилась, когда я начала рассказывать о том, как мне живется в столице.

— Москва — моя мечта! — блаженно закатывала она глаза. — Скорее бы уже вырасти и уехать туда!

— Куда планируешь поступить? — с улыбкой спросила я.

— Никуда, — фыркнула девчонка, — я стану известным блогером и буду косить бабки миллионами.

— Юля! — пожурила дочь Наталья, но та только фыркнула.

— Сейчас другое время, мам. Никому уже не нужны ва-

ши дипломы о высшем образовании. Лучше я буду тупой и богатой, чем умной, и горбатиться на дядю за три копейки в год. На меня в нельзяграмме, знаешь, сколько уже человек подписано? — зыркнула она в мою сторону хвастливо. — Двадцать тысяч! И столько же в ТикТоке. Я снимаю крутые липсинги. Я уже почти Даня Милохин, если что!

— Охотно верю, — кивнула я, — и честно тебе завидую. У меня подписчиков намного меньше.

— А ты чем занимаешься? Что постишь? — загорелись глаза девочки.

— Я пеку бенто-тортики на заказ. Придумываю к ним забавные надписи и все такое, — отчиталась я, — экспериментирую с начинками. А еще делаю макаруны и кексы с предсказаниями.

— Здорово! — почти все в унисон потянули сидящие за столом, а я вспыхнула от такой коллективной похвалы.

А между тем разговоры потекли рекой дальше. Я узнала, что Оля учится в педагогическом, но каждый год ездит в Москву, мечтая поступить в ГИТИС, «Щепку» или на худой конец в «Щуку», но все терпит неудачу.

— Если мне было где жить в столице, то я могла бы посещать подготовительные курсы, и у меня появился бы реальный шанс на зачисление, — потерянно вздохнула девушка, с тоской смотря на меня, — но снимать одной квартиру в столице — это нереально дорого.

— Да, понимаю, — кивнула я и стиснула пальцы, чет-

ко осознавая, что Регина никогда не позволит мне помочь с этим семье моего отца.

Костьми ляжет, но не разрешит.

Дальше разговор потек в сторону взрослых. Я узнала, что отец имеет небольшой продуктовый бизнес, где продает овощи и фрукты. Наталья трудится бухгалтером в одной из фирм Ростова. А вот Юля, как оказалось, родная мне сестра по отцу, учиться совсем не желает и едва не загремела на второй год в девятом классе.

Да уж...

Когда же вечер плавно перетек в ночь и дневная жара сошла на нет, мы засобирались в дом, а там уж и на боковую. Мне выделили отдельную крошечную комнатку, где помещалась лишь одна кровать, тумба и малюсенький платяной шкаф для вещей.

В остальном прекрасно: окно глядело на лес, постельное белье пахло лавандой. Но сон никак не шел, и я решила немного посидеть еще на веранде. Вот только коротать время мне там выпало не одной.

Отец разместился на ступеньках, смотрел в темное небо и курил. А я, потоптавшись на пороге, все же решила задать главный свой вопрос, тот самый, который и заставил меня приехать сюда.

— Пап?

— Да, дочка? — очевидно, чувствуя меня спиной, откликнулся мужчина.

— Почему ты бросил меня и маму? — дрожащим голосом спросила я, закусывая до крови нижнюю губу.

Он тяжело вздохнул, крепко затянулся и сипло проскрипел.

— Я не бросал, Геля. Веришь?

— Но как же? — задрожал мой подбородок.

— Садись рядом. Это будет долгий разговор...

***

История Тимы и Яны живет здесь:

https://litnet.com/shrt/ZoM9

— Яна, это же тот самый парень, с которым ты целовалась на вечеринке? — шепчет мне подруга, а мне умереть хочется.

— Не напоминай, иначе меня сейчас вырвет...

— Познакомьтесь, ребята, это ваш новый одногруппник — Тимофей Исхаков.

Все вокруг одобрительно гудят. Особенно девчонки, кидая на парня жадные и жаркие взгляды. Но только не я.

— Мудак! — произношу одними губами, но так, чтобы этот гад точно разобрал, что именно я о нем думаю.

Вот только вместо ожидаемого негодования, встречаю равнодушный взгляд черных глаз и омерзительно довольную улыбку. Этот подлец радуется, что ему удалось позабавиться за мой счет. Что ж, это он зря!

Глава 13 – Чистосердечное...

Ангелина

— Итак, с чего бы начать? — заломил руки отец и покачал головой, а кивнула.

— С самого начала, быть может?

— Да, что ж..., — прочистил он горло и с грустной улыбкой посмотрел на меня, а затем наконец-то заговорил. — Мы с твоей мамой познакомились на обычном квартирнике. Ну, как это у вас сейчас модно называют: на вписке. Я в то время совсем недавно дембельнулся и приехал на день рождения к школьному товарищу. На тот момент он встречался с подругой твоей матери. И, знаешь, она будто бы с первого взгляда по-черному невзлюбила. А я почти свихнулся от ее красоты...

Мужчина тихо и как-то потерянно рассмеялся, затем потер лицо ладонями и продолжил свой рассказ.

— Я таскался за Светкой, как шальной, а она нос воротила. Я ей цветы, а она мне этими цветами по мордасам. Потом с другим на свидание пошла. Ну, я в драку с соперником и полез, а он мне по купмолу настучал. И нос сломал. Вот, видишь, горбинка до сих пор, — потер он переносицу указательным пальцем, а я улыбнулась.

— Вижу.

— Ну и вот, — фыркнул отец, — я уже было решил, что

все, увели мою женщину, а она не этого бугая вдруг

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.